

RED FALCON

ЛОВУШКА
ДЛЯ
СВЕРХНОВОЙ

Астрофизик Артур Нортон пытается спасти Землю от смертельной угрозы, исходящей от гамма-излучения Сверхновой. Но как это сделать, если кажется, весь мир ополчился против него? И приходится сражаться против неведомых сил, которые постоянно угрожают смертью, уничтожая дело его трудов. Подталкивая мир к новой мировой войне, которая вот-вот поглотит Землю. Кто они, эти враги? Новоявленная секта и её Мессия, бандиты, или учёные, чья зависть к успешному коллеге не знает границ?

Юджин Ваальд

Ловушка для Сверхновой

Глава 1. Диверсия на космодроме

Артур Нортон

Оглушительный рёв аварийной системы заставил подпрыгнуть на кровати, спросонья я решил, что началась война. На голоэкранах, окруживших хищной стаей, творилось что-то невообразимое — каша из мигающих красных огней, быстро сменяющиеся схемы, столбики цифр. Мельком взглянув, разбираться подробно не стал, я выбежал на балкон и застыл в отчаянье — горизонт вспучивался зловещими серо-оранжевыми клубами дыма и огня.

Уже через пару минут, нацепив брюки и рубашку, взбежал по лестнице наверх, на крышу с взлётно-посадочной площадкой и бросился в кабину флаера.

— Говорит Артур Нортон. Код "красный". Дайте "свободный коридор", — бросил в шлемофон. — Быстро!

— "Свободный коридор" установлен, — равнодушный, лишённый эмоций голос диспетчера готов был свести с ума. — Передаю координаты...

Флаер, словно огромная летучая мышь, свалился с края площадки, но тут же взмыл вверх, понёсся между высоких башен мегаполиса.

Уже издалека я увидел, как яркий свет прожекторов шарит по разрушенному космодрому, выхватывая упавшие фермы, разбросанные останки ракет, обвалившиеся здания заводов.

Я так резко отбросил штурвал от себя, что несчастный флаер чуть не шмякнулся носом о землю, неподалёку от высокой бетонной стены. За ней на фоне светлеющего предрассветного неба танцевали багровые языки пламени, словно там бушевал огромный дракон. Резкий запах гари и керосина бил в нос. Вокруг скопились пожарные флаеры, медпомощь. Выскочив из кабины, я пару раз сделал вдох-выдох, чтобы унять колотящееся сердце. И одёрнув рубашку, направился к воротам, где маячила массивная фигура начальника службы безопасности Томаса Флинна, полицейских и, конечно, вездесущих репортёров, которые как акулы, чуют смерть за сотни километров.

— А, господин Нортон, — не стеснясь, Флинн бесцеремонно отодвинул одного из журналюг, тощего, сутулого субъекта в чёрных круглых очках.

— Какие масштабы разрушений? — бросил я, не здороваясь.

— Ну... Похоже, мы потеряли три готовых ракеты. Они стояли на старте. Фермы сильно повреждены. Вернее... Да... Серьёзно пострадал завод шлюзовых аппаратов... В общем... — Флинн замялся.

— Да всё к чертям собачьим разнесло, Артур! Три месяца работы! Твою ж мать... Убью мерзавцев!

Поток изошрённых матерных ругательств прозвучал, как рык голодного тигра, заставив репортёров инстинктивно отшатнуться. Шон Андерсон, командир отряда пилотов, в выражениях не стеснялся. А внешностью и повадками напоминал гепарда — высокий, поджарый и немного сутулый. Небрежно засученные рукава форменной рубашки демонстрировали крепкие предплечья и тонкие не по-мужски изящные запястья. Густые,

растрёпанные волосы отливали в свете пожара медью. На узких плечах болталась выдавшая виды куртка пилотов Второй мировой — бомбер. Тёмно-серые форменные брюки, идеально отутюженные, с щеголеватыми стрелками, но перепачканные в грязи, серой пылью.

— Кого ты собрался убивать, Шон? — я тяжело вздохнул.

— Да сам знаешь! Мать их! Говнюков из секты! Суки! Мрази! — Шон сжимал и разжимал кулаки, будто тренировался перед ударом.

— А что, полиция уже это выяснила?

— Да и так всё ясно! — Шон с силой ударил кулаком по собственной ладони.

— Да, господин Нортон, — вмешался Флинн. — Похоже на то.

— Ну, как вы это допустили? — я не мог отвести взгляда от площадки перед космодромом, с которой одна за другой взлетали, смахивающие на больших чаек флаеры скорой помощи. — Сколько людей... поги... пострадало?

Бушевавший огонь, обильно залитый пеной с пожарных флаеров, стал утихать. Пылающая алая стена опала, сменилась на траурную седую дымку, словно от погребального костра. Солнечные лучи робко пробивались сквозь неё. Никак не мог решиться пройти на территорию космодрома. Оттягивал момент. Видеть, что осталось от трёхмесячных трудов, не хотелось.

— Ну, не знаю, господин Нортон... — Флинн почесал в ухе, шумно втянул носом воздух, затем выдохнул. — Семь человек погибли. Много раненных. Точно не знаю.

— Не знаю, господин Нортон. Не знаю, господин Нортон... — издевательски передразнил его Андерсон. — Флинн, это ваша гребанная проблема! — голос Шона заставил начальника службы безопасности вжать голову в плечи, что выглядело комично при его габаритах. — Не допускать на полигон этих уродов! Почему вы не проверили, кто работает? Почему?!

— Ладно, Шон, не злись, — я, как можно мягче похлопал багрового от злости пилота по плечу. — Это и моя вина. Торопились, набирали в последнее время черти кого. Вот и получилось. Пошли лучше, посмотрим, что там... осталось.

К обеду я уже знал подробности. В своём кабинете просматривал отчёты на голографических экранах, задерживаясь на каждом буквально секунд на пять-десять — этого было достаточно, чтобы запомнить навсегда. Феноменальная память — это и благо и кара.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие, от пола до потолка, окна, чертили золотистые многоугольники на полу — имитацию наборного паркета, а едва заметный запах леса, свежей листвы создавал иллюзию, что аромат издаёт именно нагретое дерево. Кабинет свой я любил, обставил по своему вкусу. Низкий диван, пара каплеобразных кресел из особого нано-материала, который помнил каждый изгиб тела, поэтому лежать, сидеть на них было невероятно удобно, словно находишься в невесомости. Цвет менялся под настроение. Сейчас — светло-голубая гамма, чтобы успокоить нервы. Хотя больше всего я любил оранжевый цвет. Цвет солнца.

На стеклянной столешнице низкого столика остывала пятая чашка крепкого кофе, источая резкий аромат. Толстые сэндвичи горкой лежали на белой фарфоровой тарелке. Нетронутые. Кусок в горло не лез.

Заметив на экране разноцветное людское месиво, я схватил в горсть и перебросил на общий экран.

— Это война! — внезапно обрушился объёмный резкий звук. — Это война! Очищающий

свет! Очищающий свет! — скандировала толпа. — Сверхновая несёт свет очищение! Очищение! Очиститесь, братья и сестры! Очиститесь! Спаситесь от греха!

Багровые от напряжения лица — детей, взрослых, женщин, мужчин, чёрные провалы разверстых ртов. Из которых вырывались проклятья и призывы убить всех, кто стоит на пути очистительного света. И всем надо принять его, спастись. Белые, синие, красные рубашки мужчин, платья в цветочек и горошек на женщинах.

Я подошёл ближе. Толпа словно расступилась, обволокла меня со всех сторон. Да, вот эти люди, кого Андерсон готов был задушить своими могучими руками. Я всматривался в их лица, пытаюсь понять, что движет ими, зачем они так кричат. И каждый звук вонзался в голову, словно раскалённый металлический штырь.

Я передвинул панораму влево, потому вправо — а вот и он. Этот человек возвышался, как валун посреди бурлящего, горного потока. Неприметный, небольшого роста, плотный, с округлыми плечами, немного сутулый, аккуратная стрижка тёмных с проседью волос. За толстыми линзами очков в чёрной анахроничной оправе — маленькие глаза неуловимого цвета. Одет в тёмно-серый свитер, из-под которого виднелся воротничок белой рубашки и тёмные, широкого покроя брюки. Выглядел, как пастор маленького прихода в провинциальной глуши, или учитель воскресной школы. Полные губы растянута едва заметная, но совсем не злобная, улыбка. Он молчал, не двигался, лишь наблюдал. Но интуитивно каждый понимал — вот он, дирижёр, лидер. Тот, ради кого эти люди пойдут даже на казнь.

Гордон Макбрайд, лидер секты "Очищающая сила сверхновой", которая подозревалась в диверсиях на космодроме, в лабораториях. Но доказать это полиция не могла. Почему-то не могла. Копам не удалось схватить живым ни одного террориста — все они погибали, уничтожая себя и дело моих трудов и команды.

Я пытался вызвать у себя отвращение, ненависть к этому человеку, но не мог. И это злило и выводило из себя ещё сильнее, чем беспомощность и бессилие перед врагом.

Экран перечеркнула красная надпись — важное сообщение. Голограмма реалистично, даже слишком, отобразила широкое кожаное кресло с изящными загнутыми как лапы льва подлокотниками. И сильно немолодого мужчину, чей возраст увеличивал старомодный костюм-тройка. На первый взгляд из-за слишком крупного носа, нависавшего над роскошными усами, он производил комичное впечатление. Но стоило взглянуть ему в глаза, глубоко утопленные под косматыми бровями, становилось не по себе.

— Что у вас там произошло, Артур? — прогудел мужчина хрипловатым баритоном с едва заметным южным акцентом, выдававшим в нём уроженца Техаса.

Я скрипнул зубами, поиграл желваками, меньше всего на свет хотелось разговаривать сейчас с этим человеком.

— Мы потеряли две ракеты, Пьерпонт, у другой повреждён двигатель. Разрушен цех завода шлюзовых аппаратов. Я пришлю отчёт.

О людских потерях я даже не упомянул, Моргана это никогда не интересовало.

Морган помолчал, потерял изящного плетения цепочку, свисавшую из жилетного кармана. Покачался в кресле, подставив руку под тяжёлый, выпирающий вперёд, подбородок, изрёк:

— Насколько мы отстаём от графика?

— На два-три месяца.

— Это плохо, Артур. И вы знаете, как это плохо. Совет не доволен вашими действиями.

Если так дело пойдёт, мы будем вынуждены прекратить финансирование вашего проекта.

Эти слова изводили меня на протяжении последнего года постоянно. Это злило, выводило из равновесия. Объяснять Моргану, что план срывается не по моей вине, было невозможно. Тот не воспринимал никаких отговорок, объяснений.

— Да, прекратить, — твердо повторил Морган. — Может быть, нам лучше отдать наши деньги вашему конкуренту?

Собрал остатки воли в кулак, я чётко, и как можно спокойней, ответил:

— Проект доктора Келли не имеет никаких перспектив. Вы знаете об этом, Пьерпонт.

— Да, знаю. Но знаю также, из-за чего он не имеет перспектив. Из-за вас, — Морган ткнул в мою сторону толстым указательным пальцем, на котором хищно блеснул камень в массивном перстне. — Если вы поделитесь с ним своей разработкой...

— Господин Морган, — едва сдерживая досаду, я перебил его. — Даже, если я поделюсь ею, все равно это слишком опасно и нереально. Это лишь теория на самом деле. А у меня... У меня выверенный, апробированный проект!

— Да, вы говорили, — Морган откинулся в кресле, ещё раз потерял цепочку. — И пока ещё я вам верю. Но возможно, скоро я останусь в одиночестве... И буду вынужден согласиться с мнением Совета. Вы поняли, Артур?

Он не простился, лишь голограмма замерцала и растаяла, как лёгкий туман под лучами яркого утреннего солнца. Я вернулся к столу, залпом выпил холодный кофе, не ощутив его вкуса. Заказал новый и, схватив сэндвич, впился зубами, будто старался отыгаться на паре кусочков хлеба с котлетой за своё унижение, которому его подверг этот толстосум. Из ниши незаметно вылетел шарик-робот, поставил новую чашку кофе, забрав старую, и мгновенно исчез.

Откинулся на спинку дивана, упёрся взглядом в расчерченный на квадраты потолок с незаметными лампами освещения.

— Господин Нортона, к вам посетитель, — раздался механический голос секретаря. — Шон Андерсен. Пропустить его?

— Да, — через паузу бросил я.

Сел прямо и аккуратно взяв чашечку, сделал пару глотков.

— Привет, Арт!

Глаза влетевшего в комнату Шона светились в таком азарте, что я скривился, и буркнул совсем недружелюбно:

— Виделись уже. Что будешь пить?

— А, у меня с собой! — бросил Андерсен, совершенно не замечая моего отвратительного настроения. — С собой, дружище. Это всегда со мной.

Плюхнулся в кресло напротив низкого столика, вытащил из нагрудного кармана куртки плоскую флягу. Сделал пару глотков.

— Ну, можешь меня поздравить!

С лёгким стуком поставив флягу на столик, Андерсен вытянул длинные ноги и с удовольствием задрал руки вверх. Зевнул. На его лице по-прежнему играла такая довольная улыбка, что меня это растревожило не на шутку. Шон опять задумал очередную аферу, а уж он мастер влипать во всё, во что только можно влипнуть. И даже в то, что невозможно.

— С чем это?

Не выдержав волн радости, которые били из Шона как нефтяной фонтан, я встал и медленно отошёл к окну, повернулся боком, стараясь наблюдать за неожиданным посетителем

лишь краем глаза.

— А вот с чем! Мы нашли змеиное гнездо! Понимаешь, Арт?

Андерсен коротко хохотнул. Схватив флягу, сделал ещё пару жадных глотков. И смахнув рукой пару капель, оставшихся на губах, раскинул руки по спинке дивана.

— Да рассказывай, чёрт возьми! — я не выдержал, раздражённый театрализованным представлением.

— Ладно, — Андерсен сразу стал серьёзным, даже мрачным, глаза сузились, словно он смотрел в коллиматорный прицел своего истребителя. — Скажу. Мои орлы нашли место, где базируется эта секта. "Очищающая сила Сверхновой". Там, где этот говнюк Макбрайд промывает мозги, делает марионеток. В общем, творит там всякую х..., которая мешает нашей работе.

— Ну и что?

— А вот что! — Андерсен пружинисто вскочил с места и оказался рядом. — Дай мне добро. Я проведу зачистку. Парочка нехилых авиаударов, — Шон энергично рубанул рукой воздух. — И мы забудем об этих мерзавцах. И всё, Арт. Всё.

Я бросил на него взгляд, который бы явно дал бы понять Шону, что тот придумал очередную аферу, которая ни к чему хорошему не приведёт:

— Ты спятил? С какой стати? Пусть копы разбираются с ними.

— Бл... — Андерсен выругался, поиграл желваками. — Копы ни хрена не будут делать! Они и не делают. Ты ж знаешь, у этого ублюдка Макбрайда все схвачено. Мы должны сами решить этот вопрос. Мои орлы горят желанием разнести этот бордель к чертям собачьим.

— Обратись к своему командованию. Я тут причём?

Андерсен покачал головой, на лице появилось брезгливое выражение.

— Слушай, я присоединился к тебе, потому что хотел быть подальше от этих гребанных макак. Чтобы не лизать их вонючие задницы. Поговори с Морганом. Он даст добро... И мы как жахнем! По этим ублюдкам!

— Жахнем. Жахнем.

Я отошёл к окну, стараясь выйти из-под гипнотического взгляда Андерсена. Он умело манипулировал людьми, и порой я попадал под его влияние, а потом жутко жалел. Присел на диван. Покрутив чашку на блюдце, проронил:

— Морган ничего сам не решает. Решает Совет.

— Угу. Только мне мозги-то не полоскай. Морган там главный. Он главный везде. Он весь мир себе захапал. Вот. Всё здесь его, — Андерсен широко развёл руки, словно пытался сгрести в охапку мебель, стены, пол и продемонстрировать, что везде стоит невидимое тавро Моргана.

— Шон, послушай. Поверь, эта война ничего не решит. Ты уничтожишь их в одном месте, они найдут другое. Это только вызовет протест среди населения...

— Гуманист хренов, — пробурчал Шон. — Попомни моё слово: свалю я от тебя в проект Келли. Там ведь тоже пилоты нужны. Да, ладно, не бычься. Не уйду я от тебя.

Присев рядом со мной, он засунул руки между колен, словно хотел согреть:

— Не понимаю тебя, дружище. Эти подонки убили твою жену, тебя искалечили. Ты их жалеешь и мучаешься — а как о нас подумают? Да плевать как! — он откинулся на спинку дивана, заложив руки за головой. — Нельзя остаться чистенькими, когда тебя суют в такое дерьмо. Симметричный или не симметричный ответ должен быть. Показать эти мудакам, что мы чего-то стоим. Ладно, — он похлопал меня по колену и вздохнул: — Знал, Арт, что

ты откажешься. Пошёл я.

Когда за Шоном закрылась дверь, я долго, бог знает сколько времени, неподвижно сидел на диване, уставившись в одну точку. Потом отошёл к окну, бездумно вглядываясь в картину расходящихся от залива высоченных башен мегаполиса, верхушки которых застряли в облаках. Наблюдал игру оранжевых зайчиков на сияющих синим светом окнах. Шон разбередил рану, которая зажила, покрылась рубцами, перестала сводить с ума безысходностью.

Мы летели вместе, я, Кэтлин и Шон, когда взорвалась бомба. Шон умудрился посадить объятый пламенем самолёт, который едва слушался рулей высоты, с отказавшим двигателем на аллею. Пропахав глубокую борозду, он повалил пышно цветущие тополя, разметал чугунные скамейки, вывернул из земли каменный фонтанчик. Рядом в домах повылетали стекла, но никто из жителей не погиб. Я не мог об этом знать, поскольку пребывал в отключке. Потом уже посмотрел видеоматериалы с места так называемой посадки. Прочёл отчёт о катастрофе. Шон — молодец. Мастерства пилота у него не отнять.

Со сломанными рёбрами (сильно ударился о штурвал во время взрыва) Шон сумел вытащить из охваченного огнём салона меня и Кэтлин. Но моя жена погибла, как только рядом сработало взрывное устройство. Так было написано в отчёте. Хотя я не поверил. И не верю до сих пор. Наверняка, медики решили спасти меня в первую очередь, а о Кэтлин просто забыли.

Мысли мои уносились всё дальше, в то время, когда я только стал новоиспечённым профессором массачусетского университета и только-только начинал читать лекции по теме своей диссертации. И среди студентов, которые взяли курс его лекций, оказалась Кэтлин О'Кейси. Она ничем не выделялась среди остальных, худенькая, с угловатым лицом, острым подбородком, в больших круглых очках, и хвостиком светлых волос. Но что-то в ней было притягательное, невероятно женственное, милое. Мягкий певучий голос, от звуков которого холодело в горле. Грациозные движения, тонкие гибкие руки. Недаром вокруг неё всегда крутились симпатичные ребята. Но больше всего поражало, с какой горячностью и смелостью Кэтлин отстаивала своё мнение. Наши споры длились бесконечно, она задавала вопросы, которые ставили меня в тупик. В самых моих прочных железобетонных аргументах логика девушки пробивала громадные дыры. Спорили, ссорились, со стороны казалось, мы непримиримые враги, соперники, ненавидим друг друга.

А потом я возвращался домой, после вечерней лекции. И когда оказался около своей машины, Кэтлин шагнула из полутьмы, взглянула прямо в глаза, такая же, как всегда сосредоточенная, собранная, как пружина. И только открыла рот, чтобы сказать, что-то злое и строгое, как я, сам не ожидавший от себя такого, схватил её за руки, привлёк к себе и закрыл её губы своими. Оглушил громкий стук сердца, страх подкосил ноги, что она оттолкнёт меня, расплачется, побежит жаловаться ректору. Но Кэтлин обмякла в моих руках, прижалась и позволила себя целовать везде, где я хотел — там, где сходились тонкие косточки ключиц, в шею с нежными завитками. Я снял её очки и стал целовать в закрытые глаза, проводить губами по бархатной щеке. Подхватив на руки, покачал как маленького ребёнка. Она выскользнула из объятий, но не убежала. Лишь в неярком свете фонаря я видел, как вздымается её грудь, ощущал лёгкое дыхание, и волны нежности заливали душу.

Когда полиция стала расследовать взрыв на борту самолёта, нашла множество обрывков брошюр секты "Очищающий свет Сверхновой", а по счастливому стечению обстоятельств, видеокамера засекла человека, техника, который подсунул в самолёт неприметный саквояж

с бомбой. Когда детективы схватили террориста, он тут же признался, что выполнял указание самого Гордона Макбрайда. Лидера секты арестовали, но тот на удивление легко отмёл всё обвинения от себя, и от секты. Доказал, что техник никогда не был членом организации. И смерть Кэтлин осталась неотомщённой. И вот пришёл Шон и предложил лёгкий способ рассчитаться с подонками.

Изображение на голоэкранах, стеклянный столик, кресло, ещё хранившее вмятины от тела Шона — всё расплылось, будто сбился автофокус в фотокамере. Я сжал виски в ладонях, сморгнул, и горячие дорожки слез обожгли щеки. Этот проект представлялся чудовищем из кошмаров, которое чем дальше, тем становится всё опаснее. Чудовище, которое требовало человеческих жертв. Вернуться к содержанию

Артур Нортон

Резкие трели дроздов ворвались в уши, оглушили. И я вздрогнул, очнулся от тяжёлых дум, поначалу не сразу понял, откуда в кабинете взялись птицы. Перед самым носом висел голоэкранный список дел, и недвусмысленно демонстрировал, что я должен быть на пути к телецентру, где предстояла очередная встреча с журналистами. И я непроизвольно грубо выругался, поймав себя на мысли, что матерится прямо как Шон.

На этот раз я решил поставить флаэр на автопилот, включив максимальную скорость, которую позволял "свободный коридор". Между стоящими мрачными стенами башнями едва не задевая крыльями, пронеслись летательные аппараты всех форм и размеров — от имитации китов и дельфинов до спорткаров, ретромашин, выкрашенных в кислотные цвета — ярко-жёлтые, оранжевые, электрик. Одно сходство — из дюз двигателей вырывался поток голубого пламени. Система слежения умело разводила все летательные аппараты по невидимым для людей маршрутам.

Вот уже показался телецентр, похожий на связку труб огромного церковного органа с изящно вырезанными балкончиками-студиями на разной высоте. Когда флаэр залетел на площадку, я выскочил и ринулся внутрь: опаздывать я не любил. Пройдя пункт контроля, где меня дотошно ярко-оранжевым лучом осветил с ног до головы сканер, я направился к телестудии, уже замечая на огромных экранах, встроенных в стены, собственную физиономию. Ведущий, с пафосом, завывая рассказывал мою биографию — традиция, которую стремились сохранить телевизионщики.

"Девятнадцать лет назад никому не известный аспирант Массачусетского университета написал диссертацию. Тема его была ужасно далека от того, что интересует большинство людей. "Атлас Сверхновых". Артуру Нортону хотелось собрать информацию об этих удивительных космических объектах с самого начала наблюдения людей за звёздами. Он объездил полмира, чтобы найти легенды, сказки и воспоминания очевидцев разных эпох. Эх, если бы у меня была машина времени, — думал он. Прокатился бы по всем эпохам."

Ничего я об этом не думал. Да и машины времени не существуют и никогда не будут существовать. Неужели не ясно? Если бы кто-то в будущем изобрёл бы такой агрегат, мы бы давно встретились с путешественниками во времени. Впрочем, кто знает.

"Но Артур Нортон представить не мог, какой фурор произведёт его диссертация. Впрочем, скорее его исследования ввергли в шок научный мир. Он выяснил, что шестьсот лет назад взорвалась Сверхновая, а поток гамма-излучения оказался направлен к солнечной системе! Нет, все знали, что подобные вспышки встречаются не так редко и приносят порой неприятности людям. Но по большей части они рассеиваются, не доходя до Земли. Но этот

поток оказался слишком сильным..."

Я оказался перед массивными дверями, ведущими в зал. Меня заметили. Выскочила худенькая ассистентка в белой кофточке и короткой юбочке, обнажавшей тощие ноги, потащила в гримёрную, но и там гремящий из динамиков голос ведущего не давал покоя:

"Но учёные так далеки от всего остального человечества. Доказать, что Земле грозит смертельная опасность, было трудно. Нет, не так — невозможно. Ну, Сверхновая, ну, взорвалась, но на Земле всё хорошо, также встаёт солнце, согревает своим светом весь мир. А то, что это мир мог разрушаться к чертям собачьим, доказать Артур Нортон не мог. До поры до времени.

И вот, представьте себе, господа, поток гамма-лучей, едва заметные его отголоски, достиг солнца. А оно вдруг, словно обозлившись, что люди даром пользовались его энергией, стало все больше и больше вызывать на земле "солнечные шторма", выведившие из строя электронику, электрогенераторы, электросети.

Но и это казалось не таким опасным. Электронику научились защищать от помех, генераторы быстро чинить. Но когда стал испаряться озоновый слой планеты, что порождало красивейшие явления — "северное сияние", и начал стремительно меняться климат. Становилось все жарче и жарче. И вот когда начались испаряться целые озера, мелеть океаны, а там, где почти половина года шёл снег, теперь можно было жарить яичницу на сковороде, просто вынести во двор собственного дома и оставив на солнечном свету".

Нет, ну что не придумают эти журналюги? Яичницу жарить на сковороде под солнечным светом. Бред. Я рассматривая свою физиономию в зеркале и в сердце кольнула боль: "здорово я сдал". Промелькнувшие на голоэкранах изображения, где мне было едва за двадцать, и отражение в зеркале так контрастировали друг с другом. Худощавый парень с вечно растрёпанной шевелюрой густых каштановых волос. С озорным взглядом ярко-голубых глаз, чертовски обаятельной полуулыбкой на губах превратился в немолодого усталого мужчину. Волосы сильно поредели и я зачёсывал их назад, открывая высокий лоб, который прорезали неровные морщины. Прежде округлые смягчённые черты лица теперь словно окаменели, кожа обтянула скулы, безобразный рубец от ожога пропахал правую щёку — память о той страшной катастрофе, в которой погибла Кэйтлин. И глаза смотрели на мир теперь жёстко и с неподдельной грустью.

Я помахал головой, отгоняя назойливые мысли. Больше всего удручало, выводило из равновесия, как восхищение, доходящее до благоговения к моему проекту, сменилось раздражением и озлоблением. Людям надоели роскошные трёхмерные анимации, в которых убийственный поток гамма-излучений достигал Земли, срывая покров озонового слоя, превращая голубой шарик в мёртвый камень с обугленными стволами деревьев, высохшими озёрами и океанами.

Не проходило и недели, как я с досадой обнаруживал очередную карикатуру на себя. Меня изображали то нищим в жалких отрепьях, что сидит перед бездонным сундуком и просит с лицемерно-печальным лицом подать на спасение Земли. То оседлав картонный звездолёт, я пересчитывал толстые пачки денег с омерзительно-довольной ухмылкой. Пару дней назад социальные сети извергли из своих грязных глубин ещё одну картинку, где я доил тощую корову, из вымени текли струйки золота, а на шкуре была нарисована карта мира.

— Господин Нортон, ваш выход, — жизнерадостно прошептала ассистентка, не подозревая, какие ураганы бушевали в моей душе.

Я выбросил глупые мысли из головы, выпрямился и направился на очередную Голгофу. — Только не заходите за линию, — зачем-то прокричала девушка ему вслед.

Студия встретила гудением растревоженного улья. В двух рядах кресел, стоящих полукругом, расположилось три десятка разномастных гостей, большая часть из которых сидели с равнодушными лицами — профессиональная массовка. Им было плевать, что смотреть и что слушать — выступление шпагоглотателя, популярного артиста или учёного. Но среди них явно затесались люди заинтересованные. Их выдавало выражение глаз, сосредоточенное, напряжённое. Один человек показался особенно подозрительным. Он не улыбался, сидел выпрямившись, будто его мучил геморрой, чёрные давно не стриженные патлы доходили до плеч плечи, а щетина была явно недельной, если не больше.

Одна стена студии, стеклянная, разделённая неприметными рамами, выходила на мегаполис. Перед ней — пара мягких кресел коньячного цвета, диван. Тут же стоял с глупейшей улыбкой на остроносом бледном лице ведущий — молодой человек в облегающих блестящих брюках, футболке кислотного цыплячьего цвета.

— Поприветствует нашего гостя! Артур Нортон! — отвратительным дискантом воскликнул он. — Первый вопрос!

Поднялся высокий бородач в джинсах, с мощным торсом. Ему не хватило лишь чёрных очков и заклёпок на кожаной куртке, чтобы выглядеть настоящим байкером. Или бандитом.

— Патрик Фог, — представился он осипшим баритоном. — Господин Нортон, как вы прокомментируете сегодняшней взрыв на космодроме? Есть предположение, что к этому причастна секта "Очищающая сила Сверхновой". Это правда?

Перед мысленным взором промелькнули картины бушующего огня, обугленные куски ракет, фермы, которых разметало взрывом по всему космодрому, зияющие провалы крыш и стен цехов. И главное — неподвижные тела на каталках, которые медики в синих комбинезонах завозили в белые флаеры медпомощи. "Только одно моё слово! Рассказать об этом в красках, возбудить в людях ненависть к секте, к её лидеру. А когда Шон со своими парнями разнесёт на куски их лагерь, никто не возмутится. Кэйтлин получит отмщенье!"

— Мы пока не уверены, что к этой диверсии причастна секта. Она не взяла на себя ответственность за взрывы. Полиция ведёт расследование, — проговорил я медленно, с усилием и тут же отругал себя за малодушие.

Бородач явно выглядел разочарованным. Скривившись, он плюхнулся на место, развалился там. Взгромоздив ногу на ногу, кажется, совсем потерял интерес ко мне, да и ко всему ток-шоу.

Второй встала девушка. Облегающие брюки в чёрно-белую полоску с поясом выше талии в ладонь шириной, удлиняли и так бесконечно длинные стройные ноги. Под тонкой тканью белой шёлковой блузки круглились по-девичьи высокие груди. Иссиня-чёрные вьющиеся волосы тяжело рассыпались по округлым плечам.

Какая роскошная кобылка, будто прямиком из службы элитного эскорта прискакала, — промелькнула в голове мысль. — Шона бы сюда, он быстро бы её объездил. Слабость у него к таким.

— Эва Райкова, — красотка ещё и голос имела подходящий — хрипловатый, мелодичный. И гласные выговаривала округло, мягко. — Господин Нортон, почему вы с таким упорством боретесь против других, альтернативных проектов? Это зависть, ревность или вы хотите быть единственные в своём роде учёным, который спасёт Землю.

— Я ни с кем не борюсь, мисс Райкова, — я был задет до глубины души этим

обвинением. — Я просто делаю своё дело.

Девушка улыбнулась, чуть сузив огромные серо-зелёные глазищи. С кошачьей грацией, словно пыталась соблазнить меня или скорее инстинктивно, запустила руки в гриву своих шикарных волос, отпустила, позволив им опасть тяжёлым водопадом по плечам.

— А что вы скажите о проекте академика Кэлли? Редьярда Кэлли? Его проект не менее эффективен, чем ваш. Но стоило бы Земле значительно дешевле. Да и выполнить его проще. Он предлагает эвакуацию землян на звездолётах на планету земноподобного типа. Во Вселенной десять миллиардов таких планет!

— До них надо долететь, мисс Эва. До ближайшей около четырёх световых лет, до реально земноподобных сотни лет. Туда доберутся только потомки наших потомков... Кроме того, чтобы спасти всех людей, нужен не один звездолёт, а несколько сот тысяч. А это, как вы понимаете, значительно, дороже...

— Нет! — словно она ждала этого, радостно выпалила Эва. — Если использовать вашу "ловушку для Сверхновой"... Так ведь вы называете эту технологию? Можно будет перемещаться по всей Вселенной за пару недель. Слово переходить из комнаты в комнату! Для этого достаточно одного звездолёта! И он уже у вас есть!

Я запнулся, пытаюсь изо всех сил справиться с бешено колотившимся сердцем. Черт всех дери, никто не понимает, что на самом деле представляет собой эта "ловушка", сочиняют небылицы, окружая моё детище ореолом таинственности. Простое и изящное решение выглядит в глазах обычных людей настоящей магией.

— Хорошо, я покажу вам.

Передо мной едва заметно замерцал голубым светом прямоугольник — интерфейс по управлению голографическим проектором студии. Я набрал код, яркие лампы, встроенные в стены и потолок, медленно угасли. В полутьме раскрутились разноцветные спирали галактик, вихри звёздных скоплений. В самом центре вращался большой шар — солнце и планеты солнечной системы.

— Вот смотрите, — движением руки я отодвинул солнечную систему, уйдя в мерцающую звёздную пыль. — Здесь сгусток звёздной туманности, похожей на бабочку, который остался после взрыва Сверхновой. Сюда мы пошлём звездолёт и спей файтеры, которые разбросают несколько вот таких воронок — аналогов "чёрных дыр". Рукотворных. Они поглотят гамма-излучение...

— Нортон, всё это мы видели много раз, — насмешливый голос оборвал мою пламенную речь. — Это не интересно. Мисс Райкова говорит об использовании вашей ловушки, как туннеля для перемещения кораблей.

Синеватый отблеск от звёздного неба скрывал лицо говорившего, но голос показался мне подозрительно знакомым. Странно, почему я не заметил этого человека среди зрителей?

— Эта технология по созданию лишь первой части туннеля, — я набрал код, и надо мной повисло стилизованное изображение воронки. — Как эта вещь работает, мы знаем. Мы проводили эксперименты. Они прошли успешно.

— Когда вы работали с Кэлли, — подала голос Райкова. — Шла речь о создании второй части этой воронки, а это настоящая "червоточина".

— Эта технология не отработана. Возможно... Мы пошлём людей на верную смерть. Скорее всего. И кроме того... — я выключил звёздное небо, особенно яркий после полутьмы свет залил студию, вызвал резь в глазах, отозвался болью в голове. — И, кроме того, наш проект предполагает спасение всей Земли, с её уникальным животным и растительным

миром. А не только разумной её части.

Этого человека в первом ряду я так и не смог узнать. Хотя женщина рядом с ним была мне хорошо знакома. Хельга Золина, астрофизик и жена известного астробиолога. Академик Красимир Золин, муж Хельги, был очень стар, в конце прошлого года ему исполнилось 94, почти полностью парализованный, он передвигался в инвалидной коляске. Сделать биопротезы человеку с букетом старческих заболеваний никто не решался. А мужчина рядом с Хельгой вызывал зависть великолепной физической формой — подтянутый, с гордо развёрнутыми плечами, обтянутыми дорогим пиджаком, яркий румянец на щеках, ровный загар, густая шевелюра тёмных волос. Сама женщина, ещё достаточно молодая, на его фоне выглядела бледной поганкой с длинными прямыми чёрными волосами, вытянутым худым лицом и тощей фигурой, затянутой в нечто невыразительно серое. Хельга изменила себе, бросила старика и вышла замуж за молодого? Это странно.

Зверски разболелась голова, словно острые раскалённые иглы врезались в лоб, виски, отдаваясь в челюсть. Я рылся в собственной памяти, как в старом хламе, пытаюсь выудить информацию об этом человеке. И не мог.

Мужчина вдруг вскочил с места и, явно красуясь собой, легко впрыгнул на подиум рядом со мной.

— Поприветствуем нашего второго гостя! — истошно заорал ведущий. — Академик Красимир Золин! И его очаровательная супруга! Хельга!

Это был шок, ступор. Не знаю, как я выглядел со стороны. Но наверняка, как полный болван. Представить не мог ту перемену, которая приключилась с Золиным. С чего это вдруг он так помолодел?

— Ну что, Нортон, вижу, вы совсем не ожидали меня здесь увидеть? Правда? — академик пронзил меня таким ядовитым взглядом, что захотелось провалиться сквозь землю и больше никогда не видеть ни этой студии, ни академика с его потрясающе свежим цветом лица. На его фоне я выглядел как старый засохший сэндвич.

Золин вальяжно расположился на диване, положил ногу на ногу. Также красуясь, распахнул пиджак, гордо продемонстрировал не только проступающие из-под белой рубашки хорошо развитые мышцы, но и модные молодёжные подтяжки, очень широкие, ярко-синие в белую полоску. Хельга присела рядом, и я поймал себя на мысли, что академик почему-то омолодил только себя, а вот жену оставил в том же возрасте. И теперь она выглядела, как выдавшая виды мочалка на старой швабре.

— Ну что же, наверно, стоит продолжить разговор о долгих перелётах к звёздам? А, Нортон? — продолжил академик со снисходительной улыбкой. — Раньше продолжительность жизни человека ограничивалась 70–80, или максимум 100 годами. Но я, как видите, сумел повернуть время вспять. В свои 94 года я выгляжу... На сколько я выгляжу?

— Думаю, лет на 35, господин Золин, — на лице ведущего образовалась такая елейная улыбка, что меня чуть не стошнило.

Студия встретила овациями эти слова, и хотя я знал, что люди рукоплещут лишь по указке, кольнула зависть и обида. Интерес явно перешёл к академику. А я мог уже катиться куда подальше.

— Так вот. Ну, а ещё пара лет для моих исследований. И возможно — кто знает, я смогу открыть ген бессмертия. Ну, при наличии финансирования, конечно.

Это самое главное — деньги, деньги, деньги. Раньше меня поддерживал научный мир, и

я по молодости и наивности думал, что учёные — романтики, им нравятся смелые идеи. На самом деле, я это понял лишь потом — им тоже хотелось получить свой кусок пирога. Но когда они поняли, что деньги идут лишь на мой проект, интерес ко мне угас, сменившись на зависть и глухое недовольство.

— Ну, предположим, — я взял себя в руки. — Мы создадим через некоторое время расу долгожителей, ну или — бессмертных. И отправим их к звёздам. А остальные что будут делать? Погибать? Мой проект — это спасение всех, а не кого-то.

— Вы уверены в этом, господин Нортон? — голос Хельги звучал снисходительно, даже скорее высокомерно. — На вашем месте я не стала бы это утверждать. Ваши выкладки... Как бы это получше сказать. Которые были опубликованы. Изобилуют многочисленными ошибками, неточностями. И вообще, вряд ли вы хорошо понимаете, что делаете.

— Результаты моей работы проверялись много раз. И людьми, которые хорошо разбираются в этом, миссис Золина. А также. Знаете, я могу на глазах любого человека. И вас. Провести все эксперименты. С ловушкой.

— Шаманство. И ничего более, — махнул рукой Золин. — Картинки. Знаем мы, как вы склонны к эффектным демонстрациям. Вам бы в цирке работать. Вот я — реальное подтверждение моей работы. А что вы можете предложить?

— Это не картинки, — я ощутил себя уязвлённым. — Я говорю об уже созданном звездолёте, который находится на околоземной орбите, спейс файтерах. И экспериментах по созданию туннелей.

??? — Скажите, господин Нортон, — вдруг с первого ряда подала голос Райкова. — Вы можете любому человеку показать ваш звездолёт?

В глазах Эвы горел неподдельный интерес. Чего я не ожидал.

— Конечно, мисс Эва. В этом нет секрета. Экскурсий мы не водим. Времени на это нет. Но для вас, пожалуйста, — я улыбнулся как можно галантней. — Ну, а потом вы сможете написать статью. Только уговор — честную.

— Конечно, господин Нортон.

Девушка села обратно на место, застенчиво улыбнулась. На щёчках проступили маленькие ямочки, лицо покраснелось, словно я обещал исполнить самое заветное её желание. И она показалась вдруг не такой недоступной дивой, как раньше. Может я ошибся. Внешность бывает обманчива.

Чёрт возьми, как я мог забыть об этом человеке в зале? Он вдруг зашевелился, потянулся куда-то, у меня сердце замерло, но мужчина лишь достал платок, промокнул лоб и вновь сунул платок в карман. Но сердце почему-то ускорило свой ритм. Едва заметный скрип привлёк внимание. У дверей студии стоял мужчина небольшого роста в выцветшем комбинезоне техника, полноватый, редкие серые волосы зачёсаны назад, как делают люди, которые стремятся скрыть лысину — ничего особенного. Он достал свёрток.

— Ложись! — неожиданно я услышал собственный крик.

Что-то с громким свистом распорол воздух. Я упал, едва не пропечатавшись носом. Чпок! И страшной силы взрыв потряс студию. Когда я поднял глаза, то не сразу понял, что творится. Вопли, женский визг оглушили меня. Клубился густой белый дым, выглядевший в студии как-то совершенно нереально, не страшно, словно спецэффекты, которые сопровождают пение популярного певца. И вопли, стоны казались лишь звуковыми спецэффектами. Я бросил взгляд на подиум — Золин с Хельгой исчезли. А ведущий с выпученными глазами замер в центре. Ноги у него подломились, сложился как марионетка и

шмякнулся на пол, затрясся как эпилептик.

Я вскочил на ноги, бросился прямо в дым. Противный резкий запах забил ноздри. Я зашлёлся в диком кашле, распоровшем грудь болью. И едва не поскользнулся — под ногами расплывалась багровая лужа. А совсем рядом я увидел Эву, она лежала ничком, на боку. Роскошные волосы слиплись, белая блузка окрасилась алым. Бросился к ней, приподнял. Из шеи у неё бил фонтанчик крови. Осколки бомбы задели артерию. Пара минут и всё — смерть.

Крики, стоны раненных, шум борьбы перекрыл хриплый крик:

— Это война! Это война! Умри, Нортон! Умри! Умри, мерзавец! Очистительный свет...
Вернуться к содержанию

Я ушёл от Нортонa, поднялся по лестнице этажом выше и оказался на козырьке со взлётно-посадочной площадкой, нависавшей над бездной — широким проспектом, который ограничивала монолитная стена жилого небоскрёба. Ещё трясло от досады и злости, хотя виду Нортону я не показал. И тут не удержался — залюбовался моим красавцем, RX-2000, космолётом последней модификации с плазменными движками. Недавно получил его от Моргана — старикан внял моим просьбам и разрешил приобрести этот шикарный аппарат. Хотя управлять им чертовски сложно, но это того стоит. И выглядел он потрясающе — мощно, и в то же время изящно, словно только что севший на землю огромный беркут, ещё не сложивший огромные серо-коричневые крылья. Я залез в кабину и повернул ключ на старт — допотопная штука, которой я специально заменили электронные ключи. Люблю всякие древние штучки.

Сирена взвыла мерзко и оглушительно, заставив дёрнуться на месте, будто сквозь тело пропустили электрический ток.

— Шон Андерсен, вы нарушили пункт Правил номер... — возвестила система. — Управление заблокировано. Дождитесь патруля. Повторяю...

Я матерно выругался. Ну да, по меркам системы я пьян. Не сильно, но пилотировать летательный аппарат в городе не имею право. Совершенно забыл включить процедуру очистки организма от алкоголя наноботами. Она врубается автоматически, но я ставлю её на ручной режим. Зачем покупать дорогое пойло, когда эти маленькие противные штучки так быстро лишают меня удовольствия? А когда вышел от Нортонa, пребывал в такой расстройстве, что забыл снять блокировку.

Откинувшись в глубоком кресле, бездумно вперился в стену на противоположной стороне улицы — там, в хаотичном порядке ярко горели, узкие словно бойницы, окна. Мелькающие аэромобили и флаеры на миг перекрывали свет и казалось окна перемигиваются.

Досада вновь хлынула в душу, теперь уже с удесятерённой силой. Твою ж мать, Артур, почему ты такой добренький? А я хорош. Знал, ведь прекрасно знал, что он не даст мне добро на зачистку лагеря, где засели сторонники этого подонка Макбрайда. Но на что-то надеялся, как идиот. И конечно, Артур опять отказался. Нет, надо самому решать эту проблему.

Но злиться долго на Артура я не мог. Слишком хорошо знал его, и слишком многое нас связывало, чтобы ссориться по глупости. Нет, Артур — классный мужик, очень умный, интеллект у него. По сравнению с ним я школяр. Но он не задаётся никогда передо мной. Просто не такой он человек. Давно мы дружим. С тех пор, как я вдруг увлёкся астрофизикой.

А поводом для этого стала симпатичная куколка, которую я подцепил в каком-то баре. Она оказалась не только обладательницей роскошной груди, но и очень умной. Здесь не проходили мои обычные шутки — смотри на меня, я — Шон Андерсен, курсант самой престижной воздушно-космической академии! Один из лучших, вон и сине-оранжевые нашивки лейтенанта на рукаве, когда все остальные в моем возрасте (а минуло мне тогда двадцать) курсанты ходят в капралах.

Как выяснилось, девчушка училась в университете, а профессором у неё был Нортон. Брала зависть, когда Ханна рассказывала о нем, и зачем-то я решил попасть в университет. Стоило это немало, а мой старик, узнав об этом, сказал просто: "Слушай, сынок, вот тебе сорок кусков. Хотел подарить тебе на день окончания академии аэромобиль. Класса "спорткар Х5", крейсерская скорость в полтора Маха. Давай, истрать их на учёбу в университете. Хочешь?" Я долго думал и всё-таки отказался. Крутую тачку, которая могла проноситься в небесах на сверхзвуке, я хотел больше, чем Ханну. Но тут мне подфартило. Оказалось, этот самый Нортон читает лекции в какой-то богадельне. И я решил сходить, просто поглазеть на этого зазнайку.

И здорово ошибся в оценке его. Артур совсем не выглядел сухарём, ботаном, который ничего, кроме своей науки не видит. И рассказывал он так увлекательно, и так понятно, что слушая его, я видел все эти звёзды, туманности, галактики. Красотища. Потом с Ханной мы расстались, а профессор Артур Нортон плотно вошёл в мою жизнь. Он был старше лет на пять меня, почти погодки. Но уже писал диссертацию именно на ту самую тему — о Сверхновых, и всех этих завлекательных штуках.

Нет, в академии нам тоже давали информацию о космических объектах, объясняли про классы звёзд, тёмную материю, о галактиках, планетах, спектрограммы, диаграммы, но так сухо и нудно, что мне оставалось только зубрить — хорошо, хоть память меня не подводила. И старик мой раскошелился на чип, который позволил шутя усваивать все эти жутко громоздкие тексты. Но они так и остались бы тупым набором цифр, формул, диаграмм и расчётов, которые мне приходилось делать. Если бы не Артур. Он открыл Вселенную для меня.

Вой сирены заставил очнуться от воспоминаний. Из среднего ряда вынырнула летающая финтифлюшка, патрульный аэромобиль, смахивающий на шмеля, и опустился рядом. И меня бросило в жар. Числится за мной один грешок, который до ужаса бесит — быстро краснею. И сейчас же ощутил, как запылали щеки и уши. Судя по тоненькой фигурке, патрульным была девушка. Не хватало ещё, чтобы за нарушением Правил застучала баба! Узнают мои орлы, засмеют.

Девушка приблизилась — на милом личике с острым подбородком и задорно вздёрнутым носиком возникло строгое выражение мамыши, заставшей своего ребёнка, который увлечённо разрисовывал новенькие обои в спальне.

— Господин Андерсен? Вы нарушили пункт Правил... Это ваше третье нарушение...

Нет, лишить лицензии пилота никто бы меня не посмел. Это слишком.

— Короче, сколько я должен? — сухо спросил я, изо всех сил стараясь успокоиться, чтобы ушла краска с щёк.

Девушка обладала бархатистым голоском и фигуркой, затянутой в пуленепробиваемый костюм, который так соблазнительно обтекал приятные выпуклости. Но здесь было не то место и время, чтобы растекаться, слушая её щебетанье.

— Десять тысяч кредитов. Вы можете заплатить с корпоративного счета вашей

компании, или лично, — тараторила она давно заученные слова. — Вы можете обжаловать решение в суде...

С трудом подавив тяжёлый вздох, я протянул левую руку с браслетом. Эх, прощай новые дюзы для правого движка моего "зверя". Но если штраф будет оплачивать компания Моргана, на базе тут же узнают, что я проштрафился глупейшим образом.

Вот на черта оставлять людей в качестве патрульных? Что бы смогла сделать эта девчушка, откажись я платить? Погналась бы за мной на этой фигурке? Смешно. Да, понимаю — наше продвинутое гуманистическое общество создаёт рабочие места. Иначе большинству людей просто будет нечего делать. А так, они вроде бы при деле.

— Благодарю вас, — раскосые глаза девушки озорно сверкнули, а на губах мелькнула торжествующая улыбка. Такую большую "рыбу" ей явно удалось поймать впервые. — Вы должны запустить процедуру очистки и дождаться её полного окончания...

— Спасибо за заботу, — буркнул я совсем не вежливо.

— И больше не нарушайте, господин Андерсен.

Когда патрульная машина отбыла, я опустил кресло. Вытянулся всем телом и врубил наноботов на полную мощь. Странное ощущение. Вначале расслабленность, безмятежность, по телу растекается приятное тепло, покалывания в кончиках пальцев рук и ног. Мысли разбегаются, клонит в сон. А потом наоборот, прилив энергии, в голове ясно, чётко. Горы готов свернуть. Правда, эффект этот длится недолго. Потом все возвращается в обычное состояние. Ну, может быть, становишься посвежевшим и отдохнувшим.

Была у меня одна подружка, так она рассказывала, как действуют эти наноботы. Хотя я мало, что запомнил. Но понял, что они как бы проникают в клетки человека, очищают от всякой дряни, ремонтируют, как сломанную машину. Но постоянно держать их в организме нельзя. Это как с больной ногой ходить с тростью. Потом уже привыкаешь на что-то опираться и хрена с два сможешь обходиться без подпорок. Вон этот самый Казимир Золин, как женился на молодой, всё пытался разработать таких наноботов, которые вернули бы ему молодость и здоровье. И что в итоге? Превратился в полную развалину, передвигается в инвалидной коляске. Все хорошо в меру.

Мысленно я опять вернулся к взрывам на космодроме. То, что всё это организовал этот подонок Макбрайд, я в отличие от Артура, не сомневался. Ну, кому ещё? Нет, врагов, завистников, конкурентов у нас хватало выше крыши. Всё эти так называемые учёные, которые теперь травили Артура, пытались постоянно развалить его проект, лишить денег. Писали гадости о нём, издевались. Но чтобы устраивать взрывы? Нет, на это способные только гребанные фанатики. А именно таких создавал Макбрайд — марионеток без мозгов, но зато со жгучим желанием убивать. А полиция ни черта не хотела делать. А надо было всего-навсего притащить этого говнюка в участок, кинуть в кутузку к бандюкам и на утро он бы во всем признался.

Тоненький, будто зудел комар, писк возвестил, что процедура закончилась. На сетчатку глаз вновь спроецировался рабочий интерфейс управления космолётом и я вздохнул с облегчением. Размял затёкшие от лежания мышцы. Но тут же с удовольствием ощутил, как они налились силой, натянулись, словно струны.

— Диспетчер, говорит Шон Андерсен. Предоставьте "свободный коридор" для RX-2000.

Пока я общался с очаровательной патрульной, ограбившей меня на десять кусков. Нежилась в объятьях наноботов, коридор для моего летуна уже ушёл. Придётся ждать новый.

— Коридор будет свободен через... — начал диспетчер механическим женским

голосом, но тут же перешёл на такой же искусственный, но более низкий, мужской: — Один час, двадцать пять минут, сорок секунд.

У меня вырвалось такое витиеватое трёхэтажное ругательство, что система булькнула, щёлкнула и пробормотала как-то совсем по-человечески растерянно:

— Запрос не ясен. Повторите запрос...

Что они там, охренели что ли? С чего вдруг всё занято? Правительственную делегацию, что ли ждут? Хотя, нет. Зря я так. Для моего "зверя" нужен особый, двойной коридор, это тебе не финтифлюшка, как у патрульной девочки. Мой орёл любит простор, где может показать всю свою мощь. Если будет лететь по обычному коридору, который выделяют для стандартного транспорта, снесёт все к чёртовой матери из двух, а то и трёх ближайших. Даже, если какая-нибудь колымага нечаянно попадёт в инверсионный след моего космолёта, свалится на землю в два счета.

— Шон Андерсен, мы можем предоставить вам коридор SS-X1. Это будет стоить на 500 кредитов дороже. Если вы согласны, мы передаём координаты.

— Валяйте.

Хитрая политика. Хочешь дёшево — ездь по улицам, стой в пробках, но зато почти бесплатно. Дороже — вот тебе летательный аппарат. Хочешь летать быстро? Покупай роскошный космолёт, на котором сможешь махнуть даже к звёздам. Ах, тебе не по карману? Ты же сам виноват, что ты бедный. Бедный, значит глупый, необразованный.

Судя по координатам, перелёт предстоял над стратосферой. Лететь через космос на базу, которая находилась всего-то в двух сотнях миль, все равно, что вызвать шикарный лимузин и с помпой проехать на нем от одного подъезда дома до другого. Когда учился в академии, был у нас такой пацан. Все строил из себя кронпринца, рассказывал о роскошных особняках, яхте, которые принадлежали его отцу, прикатывал на учёбу на лимузине класса Альфа. Я не из бедной семьи, мой старик владел небольшой компанией по производству домашних роботов-уборщиков. Но я таким дерьмом не занимался. Достижения в мастерстве пилотирования — вот главное, что было важно для меня.

Звали того парня как-то чудно. Эйрикссон — да, точно. А имя — Петюр. Тощий, как палка, волосы как солома, глаза бесцветные, то ли зеленоватые, то ли голубые — один чёрт. И вот этот Петюр долго морочил всем нам головы, какой он крутой. Пока не упал в обморок на семинаре. А потом выяснилось, что это был голодный обморок. Не доедал, бедняга. Все бабло тратил на то, чтобы пускать пыль в глаза.

Но мой RX-2000 — красивый, мощный, но ничего лишнего, тяжеловесного, того, что зовут показухой. И реально я могу махнуть на нём, если не к звёздам, то к докам на границе солнечной системы, где собирается звездолёт и спейс-файтеры. Проект Нортон включал только звездолёт и какие-то прибуды, но Морган потребовал к нему истребители. А с самым богатым человеком на Земле, который оплачивает весь этот банкет, не поспоришь. Мои орлы теперь не только доставляли груз к докам, но и учились пилотировать истребители. А это, скажу я вам, совсем иначе, чем на Земле.

Ну что ж, надо лететь на базу. Стартануть в космос я мог прямо здесь, включив ракетные двигатели. Но боюсь от дома, где живёт Нортон, остались бы лишь развалины.

Включив двигатели вертикального взлёта, я повёл космолёт бережно и аккуратно, словно младенца нёс на руках. Едва покачиваясь, начал подъём, все выше и выше, мимо ярко освещённых окон — свет солнца почти не проникал сюда, поэтому электричество горело всегда. Широкий проспект внизу становился всё уже, уже, пока стены башен не

сомкнулись в неприметную щель. И я рванул по свободной трассе напрямик в космос. Пронизанные рассеянным солнечным светом остались внизу облака, гордо плыли, словно величественные айсберги в океане. Горизонт, изогнувшись дугой, отделился голубоватой дымкой от пугающей чёрной бездны, на котором пока я не мог видеть звёзд.

— Ракетные двигатели включены, — возвестила система женским голосом.

— Подтверждаю.

Внизу размахнулся во всю ширь ковёр с бело-голубыми разводами. А в шлемофон полилась музыка космоса, словно из-под глубокой толщи воды слышалось завывание ветра и шум прибоя, горловое женское пение, и ритмичные звуки глюкофона — металлического барабана.

С телескопа, встроенного в обшивку, в бортовой компьютер посыпались картинки из далёкого космоса — здесь нет атмосферы, никто не мешает увидеть кружева, сотканные из звёздной пыли. Обычно я выбираю самый красивый фон и обновляю его в кабине.

Начал снижение, нырнул в густую пену облаков, на мгновение перестав видеть всё вокруг и вот уже белая хмарь расступилась — в окружении унылых серых холмов, поросших редким леском, прорисовались очертания родной базы, смахивающей на огромный стадион, к которому ведут ровные серые ленты взлётно-посадочных полос. Кажется, база открыта всем ветрам. Но нет. Сверху её закрывает крыша из прозрачного графена, самого прочного на Земле материала, толщиной в атом. Как-то пытался к нам проникнуть нарушитель. Думал, что шутя пролетит насквозь — графен выдержал удар, а незваного гостя размазало в кашу. Даже определить тип летательного аппарата не смогли.

— Я — Сокол, вызываю Скалу. Разрешите посадку.

— Разрешаем! Разрешаем! — совсем не по форме со смешком ответил высокий мальчишеский голос.

Развлекаются, долбоебы хреновы. Конечно, общение с диспетчером по связи — анахронизм. Они все равно уже заметили меня на радарх и передали в бортовой компьютер координаты той ВПП, куда я должен сесть. Но раз по уставу обмен сообщения предусмотрен, он должен быть таким, как положено, без всякой самодеятельности. Распустил я своих ребят.

Я выключил ручное управление, и теперь уже компьютерная система повела мой космолёт по идеально ровной глиссаде до посадочной полосы. И я, откинувшись в кресле, лишь следил за параметрами приборов. Сброс скорости, шасси коснулись пластобетона с такой мягкостью, что я даже не почувствовал толчка, не говоря об ускорении. На экране ровно, как часовой на посту, застыло значение в 1G. Обыватель представить не может, как трудно посадить подобную махину. Да вообще посадка — самый сложный элемент пилотирования. И каждый раз меня охватывала зависть к интеллекту системы, которая может вот так легко, мягко, без усилий сделать то, что отнимает у меня тонны нервов, и гложет беспокойство, что когда-нибудь она заменит меня полностью. И я пополнил ряды паразитов, тех, для кого и создают ненужные рабочие места, только, чтобы они не сошли с ума от безделья. Самая страшная пытка — выполнять никому не нужную работу.

Космолёт остановился прямо перед воротами, ведущими на базу. Я спустился по приставной лесенке, спрыгнул вниз. Как всегда промелькнула жалость, и какое-то странное чувство потери — надо расстаться с моим летуном. Вот высокие ворота разошлись, словно неведомые силы втянули их в стены. Космолёт затащило внутрь, а я прошёл через КПП на базу, миновал узкий тёмный коридор, где по мне раз десять проехался луч сканера. И вышел

уже на поле, расчерченное яркими огоньками на сектора. Приземистые ангары, выкрашенные ядовито-зелёной краской, казармы. Массивные очертания космолётов, вдавленных своей тяжестью в пластобетон. И в центре — высокая башня диспетчерской вышки, которую венчал словно глаз циклопа, присматривающий за Вселенной — огромный телескоп.

Пока шёл к своей казарме, несколько раз пришлось остановиться перед пилотами, которые как назло попадались навстречу, отдавали честь. А в их глазах я читал немой вопрос — ну, что командир, не пора ли в бой? Нет, не пора, пока этот слюнтяй не захочет разобраться с мерзавцами.

В моей комнате, конечно, ничего не изменилось. Всё на своих местах и привычно. Обстановка спартанская — узкая койка, правда, с пятью уровнями комфорта — жёсткий, как в самых суровых боевых условиях, когда спишь где попало, более мягкий и удобный, как обычная кровать в отелях. Ну и самый высокий уровень — когда система идеально повторяет очертания твоего тела, а значит, паришь, как в невесомости. Такое я себе никогда не ставлю — зачем расслабляться. Потом высокий встроенный шкаф с барахлом — одеждой, обувью, лётными костюмами. Простой дубовый стол с парой стульев. И главное — большой громоздкий сейф напротив окна. К сейфу я и отправился. Набрал код и с трудом отодвинул тяжеленную дверцу, которая открылась с таким скрипом, словно ворота средневекового замка.

Здесь, на полочках, я хранил своё сокровище — коллекцию часов. Такие штуки, как наручные часы давно исчезли из употребления, а я просто влюбился в их совершенство, когда увидел случайно у одного парня. Вначале я не разбирался в них, но потом понял, как отличать реплики, то есть копии, и настоящие часы. Те, которые порой стоили целое состояние. И я гонялся за ними по аукционам, разыскивал в ломбардах, в запасниках старых музеев, которые за ненадобностью закрыли для посетителей. И сейчас я обзавёлся ещё одним шикарным экземпляром — наручными часами военного лётчика Люфтваффе Второй мировой войны. Невероятная редкость. Ремешок из настоящей кожи почти истлел, если бы не обработка специальным составом, рассыпался бы у меня в руках. Но механизм был в идеальном состоянии. Я аккуратно выложил коробочку с часами, погруженных в особый раствор, который не даст раритету разрушаться дальше, полюбовался пару минут и закрыл дверцу.

Система уже пару минут орала благим матом, пытаюсь привлечь к себе внимание, как капризный ребёнок, сообщая, что у меня гость.

На голоэкрane отразилась долговязая фигура Яна Беккера, одного из лучших моих пилотов. На круглой веснушчатой физиономии — озабоченность и тоска. Это совершенно мне не понравилось.

— Входи, Ян, выпить хочешь? Присаживайся.

Я подошёл к встроенному бару, вытащил отличный бурбон "Блэнтон" с, шестигранная бутылка с фигуркой серебряного жокея на крышке обещала райское блаженство.

— Я не пью. Вы знаете, полковник, — пробурчал Ян, присаживаясь на краешке стула.

Судя по хмурому, сосредоточенному лицу, парню было хреново. Он плакал по ночам, когда никто не видел и глаза у него были опухшие и покрасневшие. Но сухие, как прерия в июле. Ян действительно не пил крепкий алкоголь, в отличие от меня. Но другого метода расслабить парня и хоть немного погасить тоску в его глазах, я не знал.

Я разлил темно-янтарный напиток по стопкам. Ян неожиданно, и скорее автоматически

протянул руку, взял стаканчик и сделал глоток, закашлялся и отвернулся, смахнув слезы.

Я опрокинул стопку в рот, бурбон приятно обжѐг пищевод, добрался до желудка, оставив потрясающее послевкусие, наполненное сладостью апельсина, с оттенками вишни, мѐда и дубовой бочки.

— Ладно, рассказывай, в чем дело,

— Я решил уйти из отряда, — твердо, но тихо обронил Ян и как жирную точку, поставил со стуком на стол стопку с недопитым виски. Сгорбился, засунув руки между колен.

— Ясно. И почему?

Парень качнулся туда, обратно, собираясь с мыслями, бросил на меня невидящий взгляд, в котором было столько тоски и боли, что сердце сжалось, пропустив пару ударов.

— Боюсь за мать и сестру.

— Из-за чего? — смысла задавать этот вопрос не было, я и так прекрасно знал ответ. Но всё-таки я ждал, когда Ян наконец-то сможет объяснить всё сам, но пацан молчал. — Им угрожают эти говнюки из секты? Так? Давай, Ян, не жмись.

Он не ответил, но его взгляд ответил "да".

— Хорошо, давай мы перевезѐм твою мать и сестру сюда, на базу. Они будут в безопасности здесь.

— Нет, — покачал головой Ян так безнадежно и устало, что я понял, он думал над этим много-много раз и отказался от этой мысли. — Мама... она не поедет. Тяжело ей. Она там... В общем привыкла. И я не хочу её пугать. Она не знает. Линди, сестра моя, ничего ей пока не сообщала. Все угрозы эти прятала. Вот...

Он вытащил из кармана свѐрнутый кусок плотной бумаги с наклеенными кое-как буквами разного размера, вырезанными из картонных упаковок продуктов. Я развернул и скрипнул зубами, хотя видел эту гадость не раз. Все эти idiotские лозунги и угрозы. Сам находил их много раз, но просто выкидывал.

Я мог бы сказать пацану, что решу этот вопрос в течении недели. Что сам лично вылечу на истребителе и разнесу ракетами к чертям собачьим лагерь этих ублюдков. Но я не верил в это до конца, а врать не хотел.

— Хорошо, Ян. Давай сделаем так. Дам тебе неделю на размышление. Если через неделю ничего не изменится, ну что ж. Уйдѐшь из отряда. Согласен?

Он помолчал, явно собираясь с мыслями. Потом взглянул в моѐ лицо и, видимо, нашѐл в нем ответ на вопрос, которого так ждал. И слабо, едва заметно улыбнулся.

Вернуться к содержанию

Шон Андерсен

Жара. Невыносимая. За спиной словно подвесили вагон с углем. Ноги тонут в раскаленном песке, так что терморегуляция скафандра не справляется. Под ногами крупа, смахивающая на крупную соль, разъезжается во все стороны, пытается как трясина жадно чавкая, затянуть внутрь — в самый центр пекла, в настоящий ад.

Тоже мне планета земного типа. Это даже на Марс не похоже. На красной планете сила тяжести в два раза меньше, чем на Земле. А здесь в полтора раза больше. И даже физически сильного человека, такого, как я, усталость просто раздавливает. Атмосфера состоит из кислорода, метана и хлора — ядрѐный коктейль, от одного глотка которого откинешь копыта.

Ужасно хочется пить, язык как наждак царапает сухое нёбо. И хочешь с вожделением не бурбон, не коньяк, а просто воду. Самую простую в гранёном стакане. Голубоватая жидкость просвечивает сквозь толстое неровное стекло и переливается всеми цветами радуги. И манит, манит сладостью и райским блаженством. И ждёшь избавления от самой страшной пытки, какой можно представить — мучительной жажды.

Два "Солнца" — одно лишь касается горизонта, как появляется второе, ещё кошмарней в той могущественной энергии, которую обрушивает на несчастных, кто посмел вступить на эту планету.

На экране, что проецируется мне на сетчатку, вижу, как падает процент жизненной силы моих ребят. Зелёные фигурки окрашиваются жёлтым, Мы уже потеряли двоих, ещё один явно готов лишиться последних сил. А посадочный модуль вон за тем холмом кажется совсем близко, буквально рядом, но я знаю, что до него ещё идти и идти. Вытаскивая непослушные ноги из вязкой песчаной трясины, проваливаться по колено, обливаясь потом. Он льётся потоком по лицу, обжигая глаза.

Вот наконец-то край холма, за которым посадочная площадка с модулем. Оглушает страшный рык, будто взрели двигатели космолёта.

На площадке резвится динозавр. Смахивает на Т-Рекса, хвостом-бревном разносит на щепки наш посадочный модуль. Лапами с тремя растопыренными в разные стороны пальцами танцует на кусках обшивки, шустро скачет по упавшим металлическим фермам. И кошмарная сила тяжести ему не помеха. От ангара — нашего дома осталась лишь каша. На милю разбросаны тарелки спутниковых антенн.

— А-а-а!

Слышу истошный вопль одного из пацанов. Он неосторожно встал на край холма и свалился вниз. Зверь замер, наклонив здоровенную зубастую башку, покрытую фиолетовой чешуёй. Дождался, когда несчастный скатится напрямик к нему. Схватил, подкинул вверх. И...

Погас свет. А когда вновь зажётся, я и ещё два десятка моих ребят стояли внутри огромного пустого шара, где выкрашенные в чёрный цвет стены утыканы, как любопытными глазами, шестигранными отверстиями с голографическими проекторами и ещё какими-то приблудами, которые создавали всю эту виртуальную, но осязаемую, невероятно реалистичную реальность.

Пацан, которого "схватил" Т-Рекс, лежал на спине и не двигался, будто реально мерзкая зверюга прошлась по нему огромными лапами. Я оказался рядом, расстегнул облегающий костюм, поднёс медицинский аппарат. Сердце еле бьётся. Лицо бледное, как мел. Губы плотно сжаты, синие, как у покойника. В обмороке. Но укол из медицинского пистолета в шею заставил щёки парня едва заметно порозоветь. Он присел, быстро-быстро моргая, шмыгнул носом, машинально протёр рукой. Увидев рядом меня, постарался вскочить, но его качнуло, повело, так что он едва не упал.

— Командир, не выгоняйте меня из отряда. Пожалуйста... — голос плачущий, совсем пацан расклеился. — Я ведь раньше на Аляске жил. У нас там холодно. Переносу я жару плохо. Но я привыкну.

— Клаус, ты уже три раза тест провалил.

Сказал без всякого укора, стараясь держать себя в руках, хотя в душе кипела злость. Но не на Клауса, а на этого говнюка Моргана. Клаус Хоффер — неплохой пилот. Ну, не такой, как Ян Беккер, но вполне себе. Можно сказать, выше среднего. Но Моргану зачем-то надо,

чтобы я проводил эксперименты над своими пилотами, готовить их для высадки на другие планеты. То покрытые льдом и снегом, где от мороза кожа обмораживается, будто обугливается, лопаются эмаль на зубах. Или с непроходимыми джунглями, кишачими змеями всех размеров и цветов, от тонких, похожих на шнурки, до толщиной с бревно. А вот теперь планета — раскалённый ад. Да ещё кто-то из программистов, что работают на Моргана, соорудили этого фиолетового монстра. Идиоты, они просто издеваются над нами! Может быть, этому денежному мешку удовольствие доставляет наблюдать, как мы корячимся? Сукин сын, придушил бы, не посмотрел, что он наш самый главный спонсор. Урод, твою мать. Моральный урод, садист и подонок.

— Ладно, Клаус, посмотрим, — буркнул я. Обвёл взглядом ребят, перекатывая желваки. — Всё разошлись. Свободны. Оценки потом пришлю.

После душа я решил пойти в офицерскую столовую. Это проклятое ползание по песчаным барханам выжало меня, как лимон. В горле пересохло, хотя я успел хватануть виски, но готов был сожрать целого быка.

В столовой у нас уютно. Зал небольшой. Стена голубоватого стеклопластика, разделённая рамами из красного дерева, выходит прямо на лётное поле. Дубовые столы накрыты жёстко накрахмаленными белоснежными скатертями. С потолка из невидимых ламп льётся мягкий приглушённый свет.

Обслуживают нас хорошенькие официантки в голубых коротких юбочках, белых кофточках и кружевных передниках. Необходимости в подобной обслуге никакой. Но тут-то я совсем не против. Это поднимает настроение. Одно дело, когда приходишь в столовую и просто набираешь еды у автомата, и совсем другое, когда милая девушка поухаживает за тобой, принесёт, и с очаровательной улыбкой расставит перед тобой тарелки, которые сразу выглядят изысканными блюдами.

— Что господин полковник желает сегодня?

Рядом возникла наша новенькая официантка, азиатка с каким-то труднопроизносимым именем. Она говорила, что переводится оно с японского, как "цветок красоты". Думаю, родители польстили ей, но надо признать откровенно — девчушка была очень и очень хороша. Роста небольшого, но фигурка ладная, упругая попка. Свежая, нетронутая ни временем, ни пластическим хирургом, смуглая кожа. В разрезе блузки по-девичьи круто выпирает аппетитные груди. Хотя азиатки обычно плоские как доски. Но эта не такая. Сладкая девочка. Так бы и съел.

— Давай, Мизэки, двойную порцию фирменного мяса, гарнир там какой-нибудь, пару салатов...

— Десерт как обычно — клубничный сандей? А что будете пить?

— Чего не жалко, Мизэки. На твой вкус.

На круглом личике заискрилась улыбка, в уголках маленького изящно очерченного рта появились ямочки. Очаровашка. И улыбка такая хитрая, манящая, что захотелось утолить голод не только в смысле еды. Раньше Мизэки так не улыбалась мне. Или я не замечал. В последнее время мне совсем было не до личной жизни.

Девушка ушла выполнять заказ, а я обратил внимание на голоэкраны, на которых крутили новости. Журналисты, нацепив на лица лицемерные маски сочувствия, смаковали очередную трагедию — взрыв в телестудии, сыпали подробностями. Пять погибших, десятки раненных. Пострадала журналистка известного канала Эва Райкова. Я и без них всё это знал. Нортон успел прислать сообщение, что с ним всё в порядке. Боялся видно, что я разозлюсь и

разнесу к чертям лагерь этого говнюка Макбрайда.

Артур рассказал то, о чем молчали журналисты и полиция. Зрительный зал был отделён силовым полем от того места, где сидел он и остальные гости. И взрывчатка, ударившись о невидимую преграду, срикошетила в зал. Поэтому столько жертв. Мерзко было то, что бомба нанесла электромагнитный удар по электронике — у людей отключились наноботы. И лёгкие ранения вдруг превратились в смертельные. И почему-то Артур переживал за журналистку, словно ощущал вину в том, что произошло с ней. Интересно, с чего вдруг он так проникся в симпатии к женщине? После гибели Кэйтлин, он словно отгородился от всего мира, ушёл с головой в свою науку, перестал делить людей на мужчин и женщин. А тут вдруг такой интерес?

Журналисты всех каналов, а их промелькнуло уже пара десятков перед глазами, вопили в один голос — террориста послала секта "Очищающий свет Сверхновой". Перед тем, как бросить бомбу преступник выкрикнул её лозунги. Беда в том, что охранники пристрелили его. А Макбрайд, появившись на одном из каналов, устроил пресс-конференцию и вновь открестился от террориста. Говорил спокойно и рассудительно. Взгляд из-под старомодных очков, которые делали его похожим на добряка-учителя, был снисходительный и мягкий. Мол, мы — мирные люди. Не хотим никому зла. И вообще, против насилия. Ну-ну, только идиоты в это верят.

Вон опять вылез на экран. Уже в какой-то ярко освещённой студии вещает перед битком набитым залом: "Дорогие братья и сестры, наша организация скорбит вместе со всеми о погибших. Помолимся за их души". Мерзавец и гребанный лицемер. Самое страшное в этих взрывах не мёртвые, которым все равно, и даже не их семьи, которые будут страдать, но время вылечит их. Самое главное это те, кто стал инвалидом, потерял руки, ноги, здоровье. О них всегда забывают, будто их и нет.

Как раз за экраном, где изливал крокодильи слезы Макбрайд, шёл повтор репортажа из взорванной студии. Выложенные в ряд в чёрных пластиковых контейнерах тела, развороченный потолок, кресла и стены, забрызганные кровью. И невероятная злость на собственное бессилие охватила меня. Так бывает, когда сталкиваешься лицом к лицу с чьей-то подлостью и думаешь — не может этот мерзавец уйти безнаказанным, кто-то должен его остановить. Людское правосудие или небесное. И ты сидишь и ждёшь, что сработает эффект бумеранга. Но добро не вознаграждается, а зло продолжает свой победный путь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ваш обед, сэр.

Мелодичный голосок официантки заставил оторваться от горестных мыслей. Девушка ловко, с какой-то удивительной, лебединой грацией, расставила с подносика блюдо с жареным мясом, обильно политого подливой, пару салатниц, хрустальный графинчик с водкой и сандей в высоком бокале, украшенный свежей клубникой. Чёрт возьми, неужели, я все это съем?

— Спасибо, Мизэки. Составь мне компанию, — вдруг предложил я. — Выпьем. Давай Своему начальству скажешь, что полковник попросил. Принеси себе тоже поесть и стакан.

— Хорошо.

Она сорвалась с места и через пару минут появилась с небольшой стопкой. Я разлил водку и тут же опрокинул свою в рот. Внутри меня так по-хорошему потеплело, что сердце оттаяло. Милая девчушка, не ломается, не кокетничает, даже не пытается заигрывать со мной.

— Господин полковник чем-то огорчён? Я могу помочь?

В нежном голоске я уловил реальное сочувствие, не жалость, а понимание. Голова как-то странно поплыла. Есть расхотелось, но я заставил себя придвинуть тарелку с мясом. Тупым столовым ножом медленно попилил на куски, положил один в рот. И не ощутил никакого вкуса, словно жевал кусок изношенной дряхлой крышки. С трудом проглотив, вновь заполнил стаканчики.

— Этот поганец Макбрайд устроил терракт на студии. А там был мой друг. Понимаешь, Мизэки?

— Он погиб? — растерянно заморгала, личико у неё вытянулось, а шоколадные глаза потемнели.

— Нет, — помахал я головой. — Но погибли другие.

И меня тут прорвало. Стал изливать душу маленькой официантке, как самому родному человеку. Рассказывал о взрывах на космодроме, об авиакатастрофе, как я вытаскивал Артура из горящего самолёта. Графинчик опустел подозрительно быстро, и девушка сбегала ещё раз.

Сладостный туман все больше заполнял мозги, так что остальное я помнил фрагментами. Как поднимался, опираясь на хрупкие плечи Мизэки к себе в комнату. И рассказывал о своём детстве, об отце-деспоте и забитой матери, которая не смела возражать ему ни в чем. Как отец лупил меня почём зря за малейшую провинность, но я быстро накачал мускулы, и уже мог дать ему отпор и защитить мать. Маленькая официантка слушала мой пьяный бред без малейшего недовольства на лице. И чем откровений становилась исповедь, тем больше сочувствия появлялось в её голосе.

Потом я лежал расслабленно на кровати, на спине. Ощущал нежные прикосновения к голой груди, лёгкое дыхание, которое ловил, как свежий, пропитанный ароматами цветов, ветерок. И всё — полный провал в памяти, словно ухнул в бездну.

Очнулся от мерзких трелей внешней связи. Разлепив опухшие глаза, в щель между ресницами увидел над собой потолок, закрытый белыми панелями со встроенными лампами дневного и ночного света. Голова трещала невыносимо. Можно сказать, что вместо головы мне всучили пустой чугунок, в котором бултыхались остатки мозгов, и каждое их прикосновение к стенкам черепа, вызывало болезненную дрожь, от которого содрогалось всё тело. Тут же врубил процедуру очистки от остатков алкоголя. Постарался привести себя в порядок. Сел на кровати, застегнул рубашку, расчесал пятерней волосы, пригладил.

Мутный взгляд на голоэкрэн обнаружил там Нортонa на фоне грязновато-белых, явно больничных стен.

— Шон, что с тобой? Ты пропустил два моих сообщения.

Кажется, в его голосе я не услышал укоризны. Скорее беспокойство. И лишь промолчал, сделав вид, что сосредоточенно смотрю на экран. Хотя его сильное мерцание, словно сигнал шёл откуда-то совсем издалека, с границы Солнечной системы, резало по глазам, вызывало тошноту.

— Случилось-то что? — поинтересовался я, стараясь говорить тихо, не двигая головой, чтобы не растревожить уже затихающую боль.

— Нужно, чтобы ты приехал сюда. В клинику Святой Терезы. Сможешь?

— Зачем?

— Эва пришла в себя и хочет рассказать кое-что о секте, о Макбрайде. И тебе стоило послушать. Это важно, Шон.

Тащиться на другой конец Мегаполиса жутко не хотелось. Но такой случай я не мог упустить. Если Нортон вдруг решил поделиться информацией, значит это очень важно.

— Хорошо, сейчас прилечу, — пробурчал я, растирая виски.

— Нет, Шон. У этой клиники нет взлётно-посадочной площадки ни для твоего космолёта, ни вообще для любого летательного аппарата. Приезжай на машине. Я передал тебе координаты.

Он отключился, а я решил пойти в душ. Мощные струи воды приятно массировали кожу, заставляя мышцы подтягиваться. Это окончательно протрезвило меня, ум вновь обрёл ясность, мысли потекли ровно и спокойно, как река на равнине. Странно, что Нортон вдруг решил вызывать меня в больницу. Он мог прекрасно передать мне всю информацию, которую рассказала Эва. Да и что это за сведения такие, о которых не знает полиция?

Вышел из душа, растираясь жёстким полотенцем, и взгляд зацепился за странный блеск. Сунулся под кровать — цепочка золотистого металла с маленьким овальным медальончиком. Мизэки оставила. Да, точно. Перед глазами всплыла шейка девушки и в ложбинке между ключицами маленький медальон с перламутровой голубкой внутри. Кольнула досада и стыд. Рассиропился перед девчонкой, пустил не только в свою комнату, чего делать не стоило. Но главное, в душу. Что я там ей наболтал? Если она пойдёт трепаться по гарнизону, будет хреново. И самое мерзкое, если она продаст мою исповедь журналистам. Ух, они своего не упустят.

Надо бы перезвонить Артуру, мало ли что. Я вызвал интерфейс, набрал поиск и приготовился ждать. Ждал долго, нетерпеливо всматриваясь в карту, по которой ползала стрелка — искала Нортон. Странно, не нашла. Это насторожило меня. Я перебросил полотенце на спинку кровати, и лениво растянулся, заложив руки за голову. Мягкость матраса, включённого на четвёртый уровень комфорта, приятно обволокла тело. До вечернего занятия с пилотами ещё много времени. Но тут резкая трель радостно оповестила, что система всё-таки Нортон нашла. Вновь замерцала голограмма. Нортон выглядел ещё более озабоченным, чем прежде.

— Я так уточнить хотел, — я тут же придумал оправдание. — Мне сейчас приехать, или можно завтра?

— Сегодня! Сейчас! Шон, Эва может опять потерять сознание. Понимаешь? Ты должен торопиться. Всё. Бывай.

Он вновь отключился, а я забыл спросить, почему он всё-таки не может просто записать признания этой журналистки и передать мне?

И я решил не вызывать машину, а просто поехать сам. На байке. Раз уж такое дело и я не смогу воспользоваться моим "орлом", или какой-нибудь птичкой поменьше, полечу на средстве, которое для меня сродни летательному аппарату. Езжу я на нем редко, хотя люблю это дело. В молодости, лет двадцать назад, гонял по улицам Мегаполиса, как дьявол, не ведая страха. Это потрясающее чувство скорости, полное слияние с машиной. Вжимаешься в сиденье, вцепляешься мёртвой хваткой в руль, чем-то отдалённо напоминающий штурвал и вперёд, с ветерком. Адреналин заполняет тебя до краёв.

Когда мой инструктор по пилотированию, Хэнк Дисбет, которого мы называли "Мистер Нельзя", увидел, как я гоняю на байке, чуть не лопнул от злости. Устроил такую выволочку, что его ор слышала вся академия. Сказал, что будь он на месте моего отца, выпорол бы меня. Нельзя пилоту гонять на такой машине. Слишком схожа она с летательным аппаратом. Да вот только одна беда — взлететь на ней нельзя. А так хочется, так хочется оторваться от

земли, потянув "штурвал" на себя.

Впрочем, в моей "конюшне" сейчас имелся шикарный аэробайк, на котором как раз можно взлететь. Смахивал он на касатку, выскочившей на миг из воды и уже готовой вновь нырнуть. Реактивный движок, на капоте — ночные огни-прожектора, пробивающие ночную темень на милю. Зверь, а не машина. Но для города не годится — шумно, опасно.

Поэтому полубовавшись на мощный силуэт, я выбрал мотобайк автоконцерна Tesla Motors — самой крупной компании в мире, производившая транспорт на любой вкус, но с электродвигателями. Раньше я относился к таким движкам пренебрежительно — ну на что может быть способен электромотор? Но потом были изобретены аккумуляторы на нанопластинах — потрясающе мощные и в то же время крошечные — их сделали по сути для военных, для плазменных бластеров, но потом решили, чего зря пропадает такая крутая вещь и стали устанавливать в машины, а потом и в мотобайки.

И вот такая штука ждала меня. Два широких колеса, соединённых каплеобразной выкрашенной в стальной цвет рамой из изогнутых плавных линий, и такие же рамы ограничивают кресло из кожи. Устойчивый, удобный, а скорость можно развить офигенную.

Загрузил в компьютер байка маршрут. Без него никак. Город накрыт хитросплетением туннелей из голубоватого прозрачного нанобетона, которые проходят между высоченными башнями и поднимаются до двадцатого этажа, а то и выше. И не заплутать в этом лабиринте очень сложно. Днём он выглядел как сверкающая на солнце паутина, а ночью, как рождественская гирлянда из ярких красных и голубых огоньков.

Я мчался по широкой бетонке, будто ножом разрезавшей серо-стальные остроконечные холмы. Врубил на полную мощь композицию "Нежный кошмар" группы "Сны Армагеддона", которая стала особенно популярной в последние годы. Разумеется, из-за того, что все люди на Земле осознавали, что конец света близок, но относились как всегда легкомысленно. Длинная, сложная музыка, сотканная из нежных переливов и оглушающих звуков глюкофона. Поначалу это кажется какофонией, но потом вступает солист — Николас "Скальпель" Боуи и соединяет в единое целое все звуки, а затем нарезает мелодию пластами, снимая слой за слоем. Голос у него потрясающий, октавы на шесть, а то и больше.

Ворвался в город, замелькал, слившись в единое месиво, оранжево-чёрный бордюр по обеим сторонам. А на периферии зрения развернулась панорама высоких башен делового центра, залитых кроваво-красным светом закатного солнца. То взлетал на самый верх лабиринта, то спускался ниже земли, мчался мимо медленно тащившихся грузовиков и юрких маленьких электромобилей. Небоскрёбы сменились на слепившуюся в унылую массу многоэтажки. Затем и они исчезли. И теперь мимо проносились пятиэтажные из красно-коричневого кирпича дома с маршами обветшалых лестниц на фасадах, словно из двадцать второго века я попал на два столетия назад.

И, наконец, цель моего путешествия — между двумя домами с глухими без окон стенами, втиснулась клиника из грязно-белого камня. Я оставил байк на стоянке, удивившись малочисленности транспорта, и направился к входу, отделанного когда-то отполированным серовато-бежевым мрамором, уже потерявшим блеск от времени, покрытого паутиной трещин.

Залитый ярким светом зал. Мраморный пол, скамейки по стенам. И пустота. Ни стойки ни колонны с панелью вызова справочного экрана, как это обычно бывает. Я помотал головой по сторонам. Попытался соединиться с интерфейсом клиники, но безуспешно. Потом решил связаться с Нортон. И вновь неудача. Это стало злить. Что за чертовщина, скажите на

милость?

И тут пелена спала с глаз. Свет потускнел, пол превратился в плохо пригнанные друг к другу доски. А все помещение заполнили стеллажи с наваленными на них ящиками.

Из полутьмы шагнуло трое. Я резко обернулся и заметил ещё троих. В их руках проступили очертания автоматов-пулемётов. Ну надо же, шестеро на одного. Не слабо. Хотя радости мне это не доставило. Наоборот, обрушился душный жаркий стыд. Попался я так глупо, что даже не ощутил по-настоящему страха.

— Не хватайся за свой бластер, Андерсен, — один из троицы, тот, что был пониже в плечах, худой, но держался солидно, или скорее развязно, хотя оружия в руках не держал. — Здесь ничего работать не будет.

Голос незнакомый, а лица я не мог разглядеть из-за тусклого света, сочившегося с потолка из лампы с разбитым цоколем.

— Где Нортон? — спросил я. — Поговорить я с ним могу?

— Сможешь, — хрипловатым тенорком протянул с явной насмешкой главарь. — А где он сейчас? А хрен его знает.

Краем глаза заметил мельтешение — кто-то то выглядывал из-за стеллажей, то вновь прятался. Судя по изящному силуэту — девушка. Худенькая, небольшого роста.

Я медленно, так чтобы видела вся банда, расстегнул куртку, засунул руку во внутренний карман.

— Мизэки, ты оставила у меня свой медальон.

В грязно-оранжевом свете аварийной лампы сверкнула цепочка и серебристый овал с голубкой. Тень между стеллажами метнулась, отпрянула, словно я держал в руках гранату, а не изящное женское украшение. И весь пазл сложился полностью.

Главарь шагнул ко мне, вытащил из рук цепочку с медальоном и сунул себе в карман.

Скрип шагов за спиной, кто-то сильно схватил меня сзади, завёл руки за спину. Гудение электронных наручников, плотно сжавших запястья. Укол в шею, резкая боль, пронзившая голову. И обрушилась тьма. Вернуться к содержанию

Артур Нортон

Спящая красавица в хрустальном гробу. Нет, скорее мраморная статуя, творение гениального скульптора, закрытая пуленепробиваемым прозрачным саркофагом, чтобы время не разрушило её красоту. Вот такой я увидел Эву, когда меня пропустили в её палату. Девушке остригли роскошные волосы, смыли агрессивный макияж в стиле индейцев чероки. И перехватило горло от жалости, когда я увидел сквозь стеклопластик, как она лежит там, в этом коконе, такая бледная, беззащитная. Полупрозрачная сине-белая кожа, губы плотно сжаты, теперь они казались меньше, и совсем не вульгарными. Волосы больше не мешали видеть, как гармонично, естественно её лицо. Может быть, оно соответствовало золотому сечению, может быть нет. Я не знал об этом. Но если был бы скульптором, то Венеру, богиню красоты, я вырезал бы из мрамора именно с такими чертами. Выпуклые ровные треугольники скул, правильной формы нос, аккуратный рот и все это уравнивал подбородок с милой ямочкой. Тело было погружено в какую-то полупрозрачную субстанцию, скрывавшую её наготу, но я видел абрис её длинных стройных ног и безжизненно повисших, но все равно невероятно прекрасных гибких рук.

А рядом с саркофагом на огромном экране, закрывавшим почти всю стену, высвечивались данные. Трёхмерное очень подробное изображение тела: кровеносная

система, артерии, вены, капилляры, все органы. Все мигало, менялись цифры, бежали, крутились графики и диаграммы всех форм и размеров. Выскакивали какие-то показатели, в которых я ничего не понимал. Но все такое живое. Кроме самого главного.

Похожая на две половинки грецкого ореха крупным планом выводилась проекция мозга, но ни один участок его не был подкрашен жёлтым, оранжевым, красным. Все линии, которые рисовали мозг, были безжизненно синего цвета. Лёгкие насыщались кислородом, сердце исправно перекачивало кровь, ручейки которой разбегались по всем органам, поддерживая жизнь, возвращались к сердцу. Но мозг был мёртв.

Мне казалось, что вернулся кошмар годичной давности, когда я увидел в морге тело моей жены Кэйтлин. Такая же обнажённая она лежала на столе в прозекторской, и, казалось, спала. Но казалось, вот-вот проснётся, откроет глаза, легко вздохнёт. Повернёт голову, и её слабая улыбка зальёт мою душу радостью. Но нет. И тоска острыми клиньями вонзилась в сердце.

— Вы сказали, доктор, что мисс Эва может прийти в себя, — устало сказал я и сам ощутил, как безнадёжно это звучит. — Но я вижу, что система зафиксировала смерть мозга.

— Ну что вы. Мы вас не обманывали, — приятным бархатистым баритоном прогудел стоявший рядом молодой доктор.

Выглядел он так, будто сошёл с рекламы медицинских услуг. Роскошные бакенбарды обрамляли упитанное, со здоровым румянцем круглое лицо. Ровная кожа с приятным загаром, каштановые волосы густы и непослушны. Глаза ясные, живые, смотрит прямо и весь облик говорит, что он простой, хороший человек, который любит все радости, которые жизнь предоставляет ему, в меру, без излишеств.

— Я объясню, — продолжил он. — Тело мисс Эвы сильно пострадало. Все наноботы не просто пришли в негодность, они стали отравлять её организм. Но мы всё вычистили и запустили новых, которые восстановили её здоровье практически во всем.

Как он гордился этим. Как важничал. Словно реально сам всё проделал это с девушкой, чьё тело безжизненно просвечивало сквозь стенки медбокса. А что ты сделал, друг мой? Набрал нужные команды в компьютеризированной системе?

— Я не понимаю вас, господин Редмонд. Почему же не восстановили мозг?

Редмонд поднял брови, на его лице промелькнуло странное выражение, будто бы он собирался поделиться каким-то секретом со мной. И при этом совершенно бесплатно. И от того светился изнутри, как лампочка на двести ватт.

— Ну как, господин Нортон. Медстраховка мисс Эвы покрыла часть расходов. Это около пятидесяти тысяч кредитов. Ну, и ваши пожертвования...

Теперь передо мной стоял самый обычный бизнесмен, продавец услуг определённого вида. И на лице его светилась рекламная надпись: "Мы можем сделать за ваши деньги всё, что вы пожелаете. Не сомневайтесь, вы останетесь довольны".

— Понятно. То есть тех денег, что перечислил я, не хватило. И сколько стоит восстановление мозговых функций?

— Для восстановления всех нейросвязей около миллиона. Да... — он на миг задумался, будто включил внутренний калькулятор, чтобы уточнить. — Если точнее, то восемьсот девяносто тысяч. Мы обратились в благотворительные фонды. Но пока, увы...

Он развёл руками, и в этом жесте было столько равнодушия, что мне стало противно смотреть на его пышущую здоровьем физиономию. Какой смысл сейчас во врачах? Всё выполняют роботизированные системы. Врачи нужны лишь для видимости. Некоторые

пациенты до сих пор не верят машинам.

— Почему вы не сказали мне об этом сразу, господин Редмонд?

— Ну, — кажется, он растерялся, сунул руки в карманы халата, нижняя губа дёрнулась в нервном тике.

Думал, наверно, что я предъявлю претензии клинике за растраченные деньги. Вчиню иск. Зачем было тянуть из меня деньги, если всё равно с официальной точки зрения Эва осталась мёртва?

— М...м...мы... мы думали, что сможем восстановить все функции, — наконец пробормотал он, и краска стыда от явного вранья залила его щеки.

Я размышлял недолго.

— Хорошо, господин Редмонд, я перечислю из своего фонда те средства, которые нужны для полного восстановления мисс Эвы. Всех функций её мозга. Сколько вам потребуется...

— Мы можем сделать вам скидку... — перебил он меня, его щеки и лоб залоснились от выступившей испарины, он будто боялся, что потеряет такую выгодную сделку.

— Нет. Я хотел узнать, сколько нужно времени, чтобы мисс Эва пришла в себя?

— После перечисления аванса, два, максимум три дня, — он быстро успокоился, и даже на полных губах появилась довольная улыбка.

Я рефлекторно бросил взгляд на экран, где всё также крутились диаграммы.

— А какова вероятность, что это произойдёт?

— Ну... — он задумался. — Вероятность большая. Но, если мозг мисс Эвы оживить не удастся... Ну, тогда мы вернём вам деньги. Вот и всё. Ну, кроме аванса.

"Вернём вам деньги". Как будто меня интересовало именно это. Я так далёк от нанобиотехнологий, что совершенно не представлял, какой станет Эва после этих манипуляций. Вспомнит ли меня? Или, возможно, её оживший мозг станет "чистым листом", как у младенца и её придётся учить всему заново.

— Хорошо, — я сглотнул комок в горле, вздохнул. — Сообщите мне, когда всё закончите. Деньги я перечислю сейчас же.

Редмонд совсем расслабился, ловким движением фокусника вызвал интерфейс, и я оставил электронную роспись на бланке.

Мне очень хотелось вырваться отсюда, из этого такого, казалось бы, идеального помещения. Светлого, тихого. Где стены отделаны панелями из приятного глазу пластика цвета топлёного молока. Воздух свежий, стерильно чистый. А свет неяркий и не режет глаз.

Распрошавшись с доктором, быстрым шагом я прошёл коридором, миновал стойку администратора, где скучала полноватая дама в белом халате и шапочке. Дверь разошлись с тихим шелестом пневматики, и я оказался в живописном парке, который ограничивали со всех сторон, словно крепостная стена, высокие корпуса клиники. По краям дорожек, расчертивших парк на идеальные квадраты, шумели раскидистые платаны, темнели кипарисы. Пробегал ветерок, трещал веером пальм. В сопровождении медсестёр в белых халатах прогуливались пестро одетые пациенты. В центре, в круглом бассейне медленно проплывали серебристые карпы. Поднимались к поверхности воды, лениво раскрывая рты, хватали мошек, которых стайкой выпускала автоматизированная система. Казалось, я попал на какой-то роскошный курорт.

Сверху пятиугольник из корпусов закрывала полупрозрачная крыша. Она спасала от смертельной жары разбушевавшегося солнца и в то же время впитывала энергию нашего

светила. Всё здесь казалось на удивление рационально, продуманно, гармонично. И скамейки, выкрашенные в приятный голубой цвет, и тренажёры, и высаженные на клумбах яркие тюльпаны — жёлтые, красные, фиолетовые. Но мне жутко не хотелось здесь оставаться хотя бы на миг. Особенно раздражало назойливое жужжание камер охраны, которые стайкой кружили над этим раем и зорко следили за всеми.

На выходе из медцентра меня вновь просветил оранжевый свет сканера, и я наконец-то оказался на улице. И тут на меня обрушилась мощь солнца, так что перехватило дыхание, пришлось надеть солнцезащитные очки, перчатки и натянуть кепи с широким козырьком поглубже на голову.

Теперь надо было добраться до моего флаера, который я оставил на закрытой стоянке. Через пару минут по одной из длинных лент, причудливо переплетённых меж высоких башен, спустился поезд на магнитной подушке, гостеприимно раскрыл двери.

В вагоне было почти пусто. Полдюжины сгучающих пассажиров, кто дремал, кто играл — это было заметно по бегающему взгляду. Нашёл место подальше от всех, и сел к окну, бездумно наблюдая, как слились в одно зелёное месиво тополя. Поезд влетел в туннель, на миг обступила крошечная тьма, заставив почему-то сжаться сердце. Но вспыхнули лампы, встроенные в потолок, залив всё тусклым мертвенным светом. И я решил снять солнцезащитные очки. Только потянулся это сделать, как поезд тряхнуло, повело, очки выскользнули из рук и шлёпнулись вниз. Чертыхаясь, я полез вниз, пытаюсь нащупать ускользавший аксессуар.

Поезд выскочил из туннеля, яркий свет хлынул из окон, заставив тьму серой тенью забраться под кресла. Подвесил в воздухе полупрозрачное золотистое покрывало, и расчертил косыми линиями пол в проходе. А я, довольный тем, что удалось поймать очки, вновь вальяжно развалился в кресле. И замер, уставившись в спинку перед собой, в которой теперь зияла дыра на уровне моих глаз. Небольшое такое, круглое и глубокое отверстие. Явно когда я садился, его не было.

Тихий скрип разъехавшихся дверей заставил рефлекторно обернуться. Мужчина, небольшого роста, в потрёпанном сером костюме, суетливо выскочил в тамбур. Гнаться за ним я не стал — бесполезно. Вернулся к исследованию дырки. Так и есть — поковырял в ней и вытащил пулю. Самую настоящую, уж не знаю какого калибра — я не разобрался в этом. И только сейчас нахлынул страх, парализовал, спустился куда-то вниз, на уровень копчика, ноги ослабели, а ладони противно взмокли. Если бы я не стал искать очки, этот мерзавец всадил бы мне пулю в затылок, пока мы мчались по туннелю.

Когда я вышел на своей остановке, вернее сказать, выполз на дрожащих подкашивающихся ногах, показалось, что со всех сторон на меня направлены винтовки с оптическим прицелом, а из каждого пролетавшего мимо поезда выглядывает террорист, готовый бросить под ноги бомбу. Боже, как я устал от всего этого.

Поднявшись наверх, на взлётную площадку, я уже было направился к флаеру. Но остановился в паре шагов от него. Ярко представил, сяду в кресло, включу двигатель. И страшной силы взрыв разнесёт меня на клочки вместе с машиной. Прошиб холодный озноб, и ноги будто примёрзли к бетону. Я постарался взять себя в руки, побороть противный липкий страх. Может быть, я паникую напрасно? Здесь закрытая служебная стоянка, никто не смог бы пройти незамеченным, заминировать флаер. А как же в телестудии? — тут же кольнула мысль. Как тот мерзавец пробрался в студию? Там ведь везде охрана, сканеры, камеры. Можно вызвать аэротакси. Но какова вероятность, что не прилетит какой-нибудь

отморозок, завезёт черти куда? Так, ну значит, осталась одна возможность. Обратится за помощью к Шону. Он частенько выручал меня, хотя летать с ним не так уж и легко. Что такое страх, Андерсен не ведает.

Но, увы, система связи найти полковника не смогла, что разозлило меня. Куда мог запропасться этот пройдоха, когда он так нужен? И тогда я решил обратиться прямо на базу. На экране возникла веснушчатая физиономия адъютанта Андерсена, Яна Беккера. На мою просьбу позвать полковника, он едва заметно приподнял белёсые брови и сухо доложил:

— Полковник Андерсен поехал на встречу с вами, господин Нортон, и ещё не вернулся.

— На какую встречу? — опешил я.

— Полковник сообщил, что вы связались с ним. Хотели дать ему какие-то сведения о секте Макбрайда. Вернее эту информацию должна была передать журналистка. Эва Райкова.

— Это какая-то ошибка, Ян. Я не связывался с полковником и ничего ему о секте не собирався говорить. А мисс Райкова сейчас в коме четвёртой степени.

Интересный расклад. Шон, похоже, решил улизнуть с базы на свидание со своей какой-то подружкой, а прикрылся встречей со мной. Ну, хотя бы предупредил бы меня. А теперь я сдал его со всеми потрохами.

— Значит, ваше сообщение было фальшивым? — Беккер нахмурился, выражение лица стало жёстким, он и мысли не допускал, что его начальник мог солгать. — Господин Нортон, вы считаете, что Андерсена могла заманить в ловушку секта Макбрайда?

— Вряд ли, — как можно спокойней сказал я, хотя в душе шевельнулся червячок беспокойства. Всё-таки Шон — опытный пилот, таких трудно найти, и врагов у него с лихвой хватало, но мне не верилось, что он так глупо попался на чью-то уловку. — Вам не стоит волноваться, — попытался успокоить адъютанта, опасаясь, что в отсутствии Шона тот наворотит дел, и как можно беспечней продолжил: — Полковник не первый раз так уезжает. У него дела, видимо. Если он объявится, пусть свяжется со мной.

— Я понял, сэр. Передам ему. Благодарю за содействие.

Я отключил интерфейс связи и бросил тоскливый взгляд на флаер. Надо как-то выбираться самому. Но страх по-прежнему не отпускал меня.

— Господин Нортон, у вас какие-то проблемы?

Рядом возник охранник. Совсем мальчик, сутулый, лицо бледное с синими кругами под глазами. Выцветший синий комбинезон явно велик, обвисает тряпкой на узких плечах. Из воротника как стебелёк одуванчика торчит шея. Студент, скорее всего. Без высшего образования ты обречён на ненужную никому работу, за которую общество будет подбрасывать лишь гроши. Но учёба в хорошем университете стоит немалых денег. Вот и подрабатывает он, видимо. Затыкает своим худосочным телом дырку в системе, которая уже давно не нуждалась в охранниках-людях.

— Да, проверьте. У меня двигатели не включаются, — проворчал я.

— Не беспокойтесь, господин Нортон. Сейчас всё проверим.

Перед носом охранника возник интерфейс, сплошь составленный из одних картинок, плавающих в пространстве, как в аквариуме. Нынешнее поколение любой текст уже воспринимало с трудом, только готовые трёхмерные иконки. Но парень так ловко начал жонглировать ими, составляя нечто похожее на цветистый кубик, что я замороженно засмотрелся на его работу. И через пару минут возле моего флаера уже кружила стайка наноботов, похожих на больших стрекоз.

А я отошёл к краю площадки и окинул взглядом панораму города. Ровные ряды башен, залитые жарким, каким-то жадным солнцем, а между ними будто огромные пауки соткали призрачную паутину — лабиринты транспортных туннелей. Удивительно, как всё изменилось за какие-то десять лет. В начале двадцать второго столетия Мегapolis задышался в пробках. Казалось, ещё чуть-чуть и наступит полный транспортный коллапс. Каждый новый мэр клятвенно обещал решить проблему, но только делал очередной шаг к хаосу. Владельцы центров всех мастей — торговых, спортивных, развлекательных, строили очередную связку туннелей, которые, в конце концов, слились в общегородской невероятно запутанный клубок. Да ещё увеличивался поток летающих аппаратов. Все это приводило к тому, что флаеры и аэротакси сыпались с неба прямо на головы прохожих и жителей домов. Одна катастрофа за другой.

Но когда десять лет назад мэром был избран итальянец Маттео Барбато, неожиданно все разрешилось. Хотя в масс-медиа ходили слухи, что новый мэр — ставленник мафии (и скорее всего так и было на самом деле), он спокойно, с достоинством отвергал все обвинения. И шёл к своей цели. Пригласил не архитекторов, не дизайнеров, а инженеров и конструкторов, который сумели создать самоорганизующийся наноматериал.

Были снесены почти все здания, и на их месте наноматериал, не зная отдыха, выходных, больничных, строил башню за башней минималистского дизайна, без излишеств. Между ними причудливо, но удивительно продуманно переплелись в изящный узор линии магнитопланов. Поезда на магнитной подушке стало строить гораздо проще, когда были открыты сверхпроводники, которые могли работать при обычной температуре. Над линиями магнитопланов проложили извилистые коридоры для обычного транспорта.

Барбато также занялся созданием автоматической системы диспетчерской связи для летательных аппаратов. Роботизированная система в считанные секунды вычисляет для тебя самый быстрый и удобный маршрут, и ты летишь куда захочешь, без какой-либо опасности.

И сейчас я наблюдал результат труда учёных, конструкторов, программистов — прекрасную, живую в своей простоте и продуманности картину города, достойную кисти великого мастера.

Единственно, что портило впечатление, так это узкая тёмная башня, чем-то похожая на воткнутый в землю кинжал, где вместо "рукояти" его венчала женская фигура в хитоне. В воздетых к небу руках сиял ослепительно голубым пламенем шар. Вот он — храм секты "Очищающий свет Сверхновой".

Нет, они никогда не называли себя сектой, лишь братством людей, которые хотели бы спастись от греха, приняв свет, идущий из космоса. Но вот собирались ли они утащить на тот свет и семнадцать миллиардов землян, мне было не ведомо.

Обуреваемый мыслями, я совсем забыл о своём страхе перед полётом, не заметил, как оказался во флаере, машинально включил двигатели. И очнулся лишь, когда меня потрянуло и я глянул вниз. Башни расступились, встали, как часовые вокруг площади с большой каменной чашей фонтана и фигурой беломраморной плачущей мадонны в центре. Именно на этом месте произошла самая страшная катастрофа, когда в воздухе столкнулось несколько аэротакси, они рухнули вниз, разнесли на куски огромный торговый центр, погибли тысячи людей. Мэр Джон Томсон подал в отставку и вот тут как раз и наступил звёздный час Маттео Барбато.

Мадонна, сидящая в горестной позе в окружении сверкавших на солнце как бриллианты водяных струй вновь остро напомнила об Эве. Бросило в жар, взмок затылок, и руки. Что я

чувствовал к ней? Любовь, страсть, похоть? За такое короткое время невозможно влюбиться, мы даже толком не пообщались, не поговорили. Дай Бог она придёт в себя. Но как сложатся наши отношения дальше? Она не обязана отвечать мне взаимностью, но я не ждал обратной реакции, не хотел покупать её любовь. Наверно, это попытка как-то пробудить собственную душу, которая замёрзла, покрылась толстой коркой льда после того, как не стало Кэйтлин.

Незаметно промелькнули ещё пара сотен миль, и вот уже на горизонте выросло невыразительное здание центра в блеклых бело-голубых тонах. А рядом раскинулся на тысячах акрах земли космодром и монтажно-испытательный комплекс. Стенды, заводы, стартовые позиции с шахтами, колеи с вагонетками на магнитной подушке, к фермам крепились несколько высоких сигарообразных ракет. Каждый раз, когда я видел это, сердце подскакивало радостно и начинало стучать гулко где-то на уровне горла.

Оставив флаер на стоянке, я прошёл через КПП, где меня тщательно просветили сканером, сделали снимок радужной оболочки, сняли отпечатки всей ладони правой руки — мера предосторожности, которую ввели недавно, после очередного терракта на космодроме. И только после того, как система меня идентифицировала полностью, как Артура Нортон, я сумел выйти на сам космодром. Где меня уже поджидал Валентин Грушевский, руководитель КБ по химическим двигателям наших ракет.

Он чем-то напоминал Шона, только был значительно старше. Но такой же высокий и крепкий, с цепким взглядом умных голубых глаз. Было ему уже за шестьдесят, но держался он бодро. Одевался всегда модно, заказывал одежду у собственного портного.

— Как добрались? — поинтересовался он немного хриловатым баритоном.

— Нормально, — рассказывать о своих страхах не хотелось.

С Грушевским мы были в дружеских доверительных отношениях, и просто он нравился мне, хотя иногда он мог быть грубым, прямолинейным, мог в сердцах оскорбить, но потом очень переживал из-за этого. И мы всегда мирились. Талантливые люди, интеллектуалы всегда ранимы, порой вспыльчивы, но уважение к ним пересиливает недостатки характера.

— Мы сделали уже два запуска, — деловито сообщил он. — Они прошли успешно. Ракеты вывели грузы на орбиту, пристыковались к докам. — Остался только один пуск, самый главный.

Он махнул рукой в сторону огромной ракеты, которую цепко держали фермы.

— А как сборка проходит?

— Всё в штатном режиме, Артур. Всё, — Грушевский широко улыбнулся. — Пойдёшь, посмотришь. Всех людей мы пока временно уволили. Ну, под видом расследования терракта. И слава Богу. Слава Богу.

— Что всех-всех? А КБ?

— Нет, ну конечно, инженеров, конструкторов и весь мозговой центр оставили. Лига пока подождёт.

Около нас остановился белоснежный электрокар, напоминающий тот, на котором разъезжают по полю для гольфа. Два сидения, обтянутых синей кожей, плоская крыша, под капотом бесшумный электромотор. Только без колёс, на воздушной подушке. Двигался он быстро, бесшумно, будто парил над покрытием из пластобетона. Промчавшись как ветер через все поле, мимо белоснежных зданий, остановился около одного. С тихим скрипом перед нами разъехались двери и мы прошли в коридор. Я знал, что увижу там, но мне доставляло почти физиологическое наслаждение наблюдать за безупречной работой роботизированных механизмов. Поднимало настроение. И предвкушая удовольствие, я

отправился за шагавшим широко и уверенно Грушевским.

Странный лязг привлёк моё внимание. Перед самым вход в цех, вдруг отъехала панель. И оттуда шагнул огромный робот, напоминающий бронированный шар на курьих ножках. Вместо рук две пушки Гатлинга.

— Вы опознаны, как человек, — прогремел низкий гулкий голос. — Вы будете уничтожены. Или покиньте это помещение. Начинаю обратный отчёт. Три, два...

Пушки со страшных свистом раскрутились в его лапищах, от ужаса свело всё тело, по позвоночнику проскользнула ледяная змейка. Я не мог пошевелиться. Лишь успел присесть. Вернуться к содержанию

Артур Нортон

Нет, перед глазами не промелькнула вся жизнь со второй космической скоростью. Просто потемнело в глазах, поплыли разноцветные круги, острая боль пронизала левую сторону груди, левая рука онемела, и я опустился на корточки. И тут окна задрезжали от звуков, схожих с лошадиным ржаньем. Грушевский, согнувшись в три погибели, бил себя ладонями по коленям, и откровенно хохотал, вытирал слезы с глаз.

— Ты что, Артур, это же игрушка!

Идиотская мальчишеская выходка. Розыгрыш. Грушевский, несмотря на немолодой возраст, умел зло подшучивать над коллегами, друзьями, за что его недолюбливали. Но я, пережив весь ужас этого дня, его шутку оценить никак не мог. Шатаясь, доплёлся до стены, привалился. Тяжело дыша, пытался справиться с болью, которая жгла сердце.

Робот уже убрался в свою нишу, панель медленно закрылась.

— Что случилось? — Грушевский мгновенно стал серьёзным, даже скорее испуганным, оказался рядом. — Извини, Артур, не думал, что на тебя это произведёт такое впечатление. Это робот из фильма.

Дрожащими руками я вытащил из кармана пиджака медицинский пистолет, сделал укол в шею, и закрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям. Боль начала затихать, острые иглы, коловшие сердце, словно истончились, затупились и растаяли, оставив лишь едва заметное онемение.

— Какого фильма? — поинтересовался я сухо. — Сукин ты сын, твои шутки могут нам дорого обойтись. Если Лига узнает об этом, нам вкатят офигенный штраф. Морган будет в ярости. "Вы опознаны, как человек", — повторил я слова робота. — Ты представляешь, какое это оскорбление?

— Да уж, с них станется, — хмуро, или скорее зло прошипел Грушевский. — Эту штуку из старого фильма двадцатого века я недавно приобрёл. На аукционе. "Робокоп" — робот-полицейский. Ты же знаешь, я такие вещи коллекционирую. Вот решил здесь поставить. Извини, Артур, не думал...

— Все в порядке, — я набрал побольше воздуха в лёгкие, выдохнул, сердце совсем отпустило, боль ушла, наноботы сделали своё дело.

— Ты идти-то сможешь? — Грушевский выглядел теперь, как нашкодивший мальчишка, растерянный взгляд, бледный, взлохмаченный. Он не знал, куда девать свои большие руки с едва заметными артритными утолщениями на суставах. То прятал их в карман пиджака, то

вытаскивал и дёргал себя за подбородок.

— Смогу идти, — мне стало стыдно, что едва не обмочился из-за глупой шутки. — Пошли в цех.

В конце коридора, прямо за панелью, где находился робот, так напугавший меня, открылась незаметная дверь, пропуская в прямой, длинный, тускло освещённый коридор. Что производило странное, даже страшное впечатление. Стены, словно из единого куска гранита — темно-серые прожилки с крапинками. А конец коридора терялся где-то в глубине клубящейся тьмы.

— Стоп, — Грушевский, ухватив меня за край пиджака, приостановил. — Идти надо медленно.

— Почему? — не понял я.

— Теперь в стены встроены сканеры, тепловые датчики. Проверяют, кто идёт. На каждом шагу проверяют. Это тебе не отпечатки пальцев или сетчатки. Если система тебя не опознает на каком-то шаге, лазерная пушка изрежет на кусочки.

— А как рабочие будут туда-сюда ходить? — поинтересовался я.

— А рабочие здесь ходить не будут. Никогда.

В голосе Грушевского я услышал злое какое-то на удивление человеконенавистническое торжество. И поёжился. После многочисленных диверсий во всех цехах были введена новая система безопасности. Но я не думал, что до такой степени.

С опаской я вступил внутрь и медленно, стараясь ступать осторожно, пошёл к концу. На каждом шагу едва заметно вспыхивали свет, выхватывая из тьмы очередной квадрат стены, такой же серый, унылый и не отличимый от другого. Наконец, мы достигли цели нашего путешествия.

Красноватый аварийный свет залил огромное помещение неясным пугающим светом, остро напомнив старые фильмы о войне, когда люди прятались в бомбоубежищах. Яркий свет в цехах не был теперь нужен — роботизированные системы могли работать в полной темноте. Это экономия и защита от любых проникновений извне. Хотя я не представлял, каким гениальным хакером надо быть, чтобы взломать систему защиты, встроенную в стены коридора, который мы только что миновали с такой осторожностью.

Но ради нас с Грушевским, система сделала исключение и когда мы оказались на балкончике под самым потолком, вспыхнул ослепительно яркий свет, выгнав из всех углов огромного помещения тьму, не оставив даже серой тени. Теперь вся сцена предстала перед глазами во всей своей техногенной красе.

Это напоминало огромную, увеличенную в сотни раз операционную. "Пациент", поделённый на куски — массивный невероятно длинный корпус ракеты, цилиндрическая головная часть с обтекателем-колпаком, и ускорителями-раструбами в окружении заботливо снующих роботизированных, выкрашенных в белоснежный цвет, "рук". Вспыхивали то там, то здесь голубые огоньки сварки, в воздухе явно ощущался запах озона и синтетической смазки. Мы использовали по-прежнему очень устаревшие транспортные ракеты на жидкостных двигателях — РЖД. Но это было выгодно, надёжно. Технология, отработанная сотней лет.

— И никаких людей, — торжественно объявил Грушевский, на губах заиграла едва заметная, но довольная улыбка.

Я оперся на металлические перила, довольно хлипкие, и обвёл глазами зал, вспоминая, как здесь совсем недавно сновало сотни людей. Что они делали? Что-то налаживали,

перевозили отдельные узлы на допотопных тележках. Бегали вокруг с какими-то приборами, проверяли что-то. Скапливались вокруг столов с оборудованием. А сейчас пустыня и тишина, прерываемая едва заметные шуршанием и тихим гудением, ласкающим слух.

— Да, твоя мечта осуществилась, — согласился я.

— А разве это мечта не твоя тоже? — Грушевский бросил на меня взгляд, полный мягкой иронии. — Сколько мы боролись за это? Ты же тоже это доказывал. Люди только мешают. Бесплезные придатки машин. Атавизм. В эволюционном смысле.

— Валентин, тебя послушать, так люди вообще не нужны. Это же все равно люди создали — конструктора, инженеры, технологи, и рабочие тоже. И сейчас поддерживают эту систему.

— Ну да. Но сколько их нужно на самом деле? Там, где раньше было нужно десять тысяч, сейчас два десятка. Разница есть?

— А куда остальных девать? — я задумчиво почесал висок.

— Вот, — Грушевский с удовольствием поднял указательный палец. — Люди стали бесполезны. По большей части. Вот твой друг Шон. Он классный пилот, это безусловный факт. Но, по сути, он человек. Может напиться, заболеть, совершить глупейшую ошибку, потому что у него заболит голова или сердце. А автопилот сделает все точно, аккуратно, и без ошибок.

Слышал бы это Шон. Вмазал бы Грушевскому от души. Андерсен не терпел, когда кто-нибудь оспаривал его гениальные способности пилота. Впрочем, я знал, что Шон реально боится того, о чем сейчас откровенно поведал Валентин.

— Да ладно, не глупи. Машины безмозглые, собственные решения они принимать не могут. Да и взломать их раз плюнуть.

— А человека можно заставить делать зло. Понимаешь, Артур... — Грушевский важно прошёлся туда и обратно, постукивая ребром ладони о металлическое ограждение, заставляя меня каждый раз вздрагивать. — Эти фанатики из секты. Они ведь суть есть марионетки. На ниточках, за которые дёргает их Макбрайд. А самого Макбрайда, тварь гребанную, тоже кто-то дёргает, заставляет делать то, что он делает.

— Мы не знаем точно, что это люди Макбрайда совершают диверсии, — проворчал я. — Полиция опять не нашла никакой связи.

— Да они и не найдут, — махнул рукой Грушевский. — Ты понимаешь, Артур. Вся проблема сейчас в том, что мы пытаемся спасти человечество, все эти семнадцать миллиардов. А смысла в этом никакого.

— Ну-ну, не впадай в крайность, — запротестовал я. — Это уже пахнет фашизмом.

— Да брось ты, — Грушевский брезгливо поморщился. — На Земле, может быть, есть десять тысяч человек, которые реально нужны для движения вперёд. Остальные лишь балласт, паразиты, которые только коптят небо. Превращают мир в помойку. Перерабатывают живые ресурсы планеты в бесполезное отравляющее всё вокруг говно.

— Ты так говоришь, потому что сам принадлежишь к этим десяти тысячам, — криво усмехнулся я.

— Ну да. И ты тоже. Высокий интеллект — единственная ценность на Земле сейчас. Единственная ценность, — повторил он с нескрываемой, даже высокомерной гордостью. — А большая часть людей чем занята? Выживанием. Ну и размножением. Нищие духом и мыслью людей могут только размножаться, как дикие звери. Нет, не так. Дикие звери размножаются только, если у них есть достаточно пространства для жизни и еда. У меня

есть знакомый ветеринар. Умный мужик, лечит всех этих домашних животных. Так вот он говорил, самка крысы, если понимает, что не сможет прокормить всех своих детёнышей, загрызает часть, самых слабых. А сейчас наша медицина, эти все гребанные нанобиотехнологии позволяют выхаживать недоношенных детей на сроках в пять месяцев! Зачем? Зачем, Артур, ответь, — он театрально воздел руки вверх. — А ты бы видел, как живут сейчас эти...

— Недочеловеки. Унтерменшен?

— Ну, хорошо. Чтобы не оскорблять твой гребанный гуманизм, назовём их людьми, лишёнными высокоразвитого интеллекта. Так вот, главное для них подчинение инстинктам, а самый главный инстинкт после голода — какой? Размножение.

— Умные люди не размножаются? — усмехнулся я. — Неужели?

— Ну... У тебя ведь нет детей, Артур? — Грушевский бросил на меня хитрый взгляд, в глазах запрыгали озорные бесенята.

— Моя жена погибла год назад, — сухо бросил я. — Детей завести не успели. И мой случай не показатель.

— Я понимаю, — он сжал мою руку. — Но до этого? И у меня нет. И у твоего Шона, насколько знаю, тоже нет.

— У Моргана есть. Сын и дочь.

— Наследники. Естественно, ему же надо кому-то оставить свою громадную империю. А интеллект не материален. Гена гениальности не существует.

— Значит, наши мозги вместе с высоким интеллектом сгниют в земле после смерти. Вот и все.

— Возможно, Золин реально найдёт ген бессмертия.

— Ты в это веришь, Валентин? — я покачал головой.

— Почему нет? Ты же сам лицезрел, как омолодился Золин.

— О, господи! Ты наивен! — я с силой стукнул кулаком по хлипкому ограждению балкончика. — Золин наверняка нанял актёра, который сыграл его роль. Молодого, красивого. Мало, кто помнит, как Золин выглядел полвека назад.

У Грушевского вытянулось лицо, уголки рта опустились, он стал похож на старого бульдога. Явно демонстрируя, как он разочарован и раздосадован, но соглашаться со мной был не намерен.

— Да почему ты так решил?!

— Потому что он якобы омолодил себя. Но не свою жену. Эту стерву. Хельгу. Она осталась такой же! А какая женщина не захочет омолодиться?

— Ну не знаю, он мог бы нанять актрису на роль жены, — пробормотал Грушевский растерянно.

— Ни одна актриса не смогла бы сыграть её роль. Хельга слишком умна. Дьявольски умна. Такое не сыграет ни одна актриса, даже гениальная.

Этот разговор стал меня утомлять. У Грушевского был пунтик. Он гордился тем, что принадлежит к интеллектуальной элите. И я понимал его, в какой-то степени разделяя его мысли. Но постоянные разглагольствования на эту тему начинали бесить. Мне сложно было найти убедительные аргументы для возражения. Большая часть людей сейчас ютились в клетках-каморках в стоэтажных башнях, уходящих наполовину в землю, питались отвратительной синтетической едой. Плодородных земель не хватало, все поглощало жильё. Меня порой пробивал холодный пот, когда я представлял, кем бы был сейчас, если не мои

умственные способности, которые, к счастью, оказались не просто выше среднего, а намного выше. Поэтому мне открылся путь в престижный университет, где я мог заняться любимой наукой.

И тут конструкция из леса роботизированных рук пришла в неистовое движение. Они отошли от "тела" ракеты, чтобы она предстала перед нами в своём совершенном естестве. С потолка спустились панели, "прошитые" тонкими лампами с ослепительным, бьющим по глазам, светом. Облепили со всех сторон.

— Красиво, да? — проронил задумчиво Золин, положив руки на ограждение балкончика. — Сейчас роботы будут проверять работу роботов. Зрелище, достойное пера Омара Хайяма.

Панели заключили ракету в тесный кокон, и видеть, что делается там, я уже не мог. Но насколько знал, они сканировали с микронной точностью каждый узел, каждую деталь, проверяли на микротрещины. Любая, самая мизерная ошибка в сборке могла привести к катастрофе. И опять пришла мысль в голову, что люди, как бы ни хотели создавать нечто совершенное, могут полениться что-то проверить, махнут рукой. Вот таким образом в испытанном уже двигателе мы находили оставленные там болты, отвёртки, плоскогубцы, которые разнесли бы его на клочки при старте. А роботы не могут ошибиться. Если их запрограммировали на определённую точность, именно с этой точностью они и будут выполнять любое действие.

— Да, это круто, — вздохнул я.

Кажется, наша дискуссия подошла к концу. Грушевскому надо было лишь выговориться в очередной раз, выплеснуть то, что накопело у него на душе. А лезть к нему с расспросами я не стал.

Противный скрежет дал по ушам, как будто сфальшивил скрипач в оркестре — слева, за конусом-обтекателем открылись двери. Панели взлетели вверх, исчезли в потолке. И рождённый буквально на наших глазах великолепный космический корабль медленно, величественно стал уплывать в отверстие, словно курьерский поезд, который отошёл от перрона, ещё не набрав весь свой ход.

— На запуск останешься? — деловито поинтересовался Грушевский, когда ракета полностью исчезла в зияющем провале, и двери закрылись.

Он мог не задавать вопроса. Знал, что я приехал именно за этим. Через пару минут мы уже вышли из цеха, сели в электрокар. Грушевский всю дорогу травил сальные анекдоты, байки из своей жизни, и своих знакомых. Это несколько утомило меня, но я радовался, что Грушевский не возвращается к своим фашистским идеям.

Здание ЦУП встретило гулкой пустотой и какой-то неживой прохладой. Когда воздух стерильно свеж, почти не содержит запахов, которые оставляют люди. Здесь все оставалось по-прежнему уже многие годы. Огромный зал с высоким потолком. Шесть рядов кресел, поставленных полукругом перед большим экраном, что вызывало в памяти вид Колизея. Здесь обычно сидели диспетчеры, что следили за запуском и полётом. Около самого потолка за стеклянной перегородкой шли офисы с аппаратурой, мониторами, компьютерами. Раньше здесь тоже сидели инженеры, диспетчеры, технологи.

Но сейчас в этом уже не было никакой необходимости. Абсолютно пустой зал, где над круглым дубовым столом вращался огромный шар, всплывали на поверхность и вновь уходили в глубину объёмные картинки с космодрома — сигарообразные тела ракет, прикованные к фермам, ангары, резервуары с топливом.

Раньше запуски собирали сотни людей здесь в ЦУП, они толпились за рядами кресел, прилипали носами к окнам обзорных офисов наверху. Толпились на космодроме, фотографировали, снимали и радостный гул прокатывался по толпе, когда ракета с ярко горящим под ней факелом медленно, будто с натугой проталкиваясь сквозь пелену земного притяжения, прокладывала путь в космос. Сейчас это стало скучным, обыденным, интересовало лишь специалистов. Внимание привлекали только катастрофы, особенно с жадностью публика глотала информацию, если погибали люди на борту ракеты. О, тогда на пару часов это становилось горячей новостью, но на следующий день вновь всё уходило на задний план. Интерес людей к освоению космоса, казалось, стал потерян навсегда.

Но мне как раз нравилось наблюдать запуски, особенно больших транспортников, потому что я знал, сколько труда вкладывается в ракету, чтобы она смогла вырваться за пределы планеты. Что космический корабль по сути лишь огромный баллон с топливом и двигателями. А выводимая на орбиту полезная масса мизерна по отношению ко всей ракете. Уже существовали космолёты, которые могли лететь как самолёт до границы атмосферы, а потом включать мощные ракетные двигатели, обычно плазменные. Но такой уникальный аппарат схож со спорткаром последней модели, на котором мчаться со сверхзвуковой скоростью можно лишь там, где для него проложен особый путь. И взять на борт он мог лишь пилота и несколько пассажиров. Такую безумно дорогую игрушку пилотировал Шон Андерсен, и очень гордился этим. Для нашего дела эта штука совсем не годилась.

Прозвучал механический голос, заставивший вздрогнуть:

— Начинаю обратный отчёт. Десять... Девять.

Сколько раз я наблюдал это? Полсотни раз или больше? Но каждый раз в каком-то странном предчувствии холодеют руки и ноги, сердце начинает стучать все быстрее и быстрее, отдаваясь в горло, в виски. Я не мог ничего уже сделать, ничем помочь, если пуск обернётся провалом. Только наблюдать.

Сквозь огромный шар медленно прошёл конусообразный обтекатель, такой огромный, реалистичный, также медленно и бесшумно проскользнул белоснежный цилиндр, так близко, что я заметил, как идеально ровно лежит покрытие. Грушевский нервно покачивался в кресле, сжимал и разжимал кулаки. Никогда не видел его в большем волнении. Вот показались дюзы двигателей, из которых вырывались тонкие струйки белого дыма.

— Ноль. Пуск.

Страшный грохот потрянул зал, как землетрясение в девять баллов. Поджиг! Вырвалось страшное в своей красоте и свирепости ярко-оранжевое пламя. И окутанная белоснежными клубами, ракета начала медленно подниматься, все быстрее и быстрее. Вырастала огромная бурлящая, клокочущая белоснежная колонна, на вершине которой оставалась маленькая оранжевая звёздочка.

— Отделение третьей ступени, — возвестил механический голос.

Камера вновь приблизилась, и ракета вновь прошла сквозь зал, экрано-шар заполнился ослепительным ярко-оранжевым светом, превратившись на миг в пылающую звезду. И всё заслонила высокая сине-чёрная бездна небес, в которой неслась ярко-белая точка — крохотный осколок огромный ракеты.

— Ну что же, — Грушевский, наконец, перестал качаться, улыбнулся во весь рот и достал из-под стола портфель, а из него бутылку шампанского. — Предлагаю выпить за первый полностью автоматизированный пуск. От начала и до конца произведённый роботизированными системами.

На столе он выставил бокалы, также извлечённых из портфеля. Аккуратно вскрыл пробку. Деликатно пыхнув белым дымком, из горлышка на стол пролилась белоснежная пена, так ярко напомнившая те бурлящие клубы дыма, из которых возродилась космическая Венера.

— Да, это было здорово, ничего не скажешь, — выпив половину бокала, я со стуком поставил его на стол. Смахнул капли с губ и удовлетворённо откинулся на кресле. — Но ты не забывай, Валентин. Без людей мы можем вести производство недолго. Пока идёт расследование. Потом мы будем вынуждены вновь следовать рекомендациям Лиги защиты профсоюзов. Вернее её приказам. Как минимум тридцать процентов людей должны быть заняты на производстве. Иначе кошмарные штрафы. А ещё хуже — бойкот нашего производства.

— Ох, уж эта Лига, — скривился Грушевский, его ярко-голубые глаза нехорошо сверкнули. — Артур, тебе надо поговорить с Морганом. Ну, чтобы он надавил на Лигу.

— Взятка? Он не пойдёт на это. Нет, надо что-то придумать иное. У меня есть одна идея.

— Какая? — Грушевский вновь наполнил свой бокал, быстро и жадно выпил, и глаза его подёрнулись дымкой.

— А вот какая. Надо перевести все производство за пределы Земли. Понимаешь? Вывести наноматериалы, которые сами воспроизведут цеха, лаборатории и будем строить недостающие узлы и компоненты звездолёта там. Без людей. Ну а здесь...

Эта идея родилась у меня спонтанно, в тот момент, когда любовался прекрасными башнями Мегалополиса, с такой быстротой возведёнными этим материалом.

— А здесь будем лишь имитировать бурную деятельность! — быстро подхватил мою мысль Грушевский. — Ты гений, Артур! — довольно больно он хлопнул меня по плечу.

— Но надо все держать в секрете, чтобы Лига не пронюхала. Понимаешь?

— Разумеется. Разумеется, — он довольно закудахтал.

— Пуск ракет с Земли сократить до минимума. Ну... под предлогом того, что озоновый слой разрушается и так далее.

Я никогда не ощущал себя таким счастливым. Мне хотелось петь, хотя я не обладал таким бархатным сильным баритоном, как Шон.

Резкий звук, будто зашипели хором сотни змей, распорол воздух. Экрано-шар за клубился чёрным дымом, и сердце у меня заныло — неужели пуск оказался неудачным?

Но тут из полутьмы выступило лицо в маске, в прорезях сверкнули белки глаз.

— Нортон, слышишь меня? — голос был искажён, неузнаваем.

Я замер в кресле, вцепившись в подлокотники.

— Шон Андерсен у нас. Мы его будем держать у себя до тех пор, пока ты не отдашь нам свою "ловушку для Сверхновой", но в полном варианте. Понял, Нортон? В полном. Версии Два-Ноль.

Руки и ноги заледенели, прошиб ледяной озноб. Не знаю, что испугало меня больше — то, что Шон оказался в руках бандитов. Или то, что эти ублюдки с такой лёгкостью смогли взломать суперсекретную сеть ЦУП, узнали, где я нахожусь. Надо обладать гениальными способностями хакера, чтобы вскрыть трёхкратное шифрование квантового суперкомпьютера.

— Мы даём тебе пять дней. Каждые сутки мы будем присылать тебе часть тела Андерсена. Руки, ноги, а на пятый день ты получишь его голову. Если, конечно, откажешься

выполнить наши условия.

Краем глаза я видел побледневшего, как мертвец Грушевского, он стучал зубами, сотрясаясь всем телом, так что я ощущал вибрацию дубового стола.

— Покажите мне Андерсена, — я требовательно шлёпнул ладонью по столу, изо всех сил стаясь, чтобы голос звучал ясно и твердо. — Я должен знать, что он жив.

— Хорошо.

Камера отдалилась, и я увидел привязанного к стулу Шона. Выглядел он паршиво. Опухшее багровое лицо, левый глаз заплыл. Видно, мерзавцы сильно избили его. Рот заклеен скотчем. Это напрягло.

— Вы ему рот заклеили. Пусть он сам скажет, что жив.

Главарь в маске как-то недовольно дёрнулся, но потом махнул рукой — сделал кому-то знак. Чёрная тень метнулась к Шону и оторвала с его рта блестящий кусок изоленды.

— Артур! Не отдавай ему свою разработку! Не отдавай! Они все равно меня убьют!

Вернуться к содержанию

Шон Андерсен

Я ходил и ходил по лестницам странного офисного здания. Поднимался по широким крутым ступенькам, проходил длинным просторным коридором, сворачивал и видел в окнах одно и то же — на фоне серого неба темнели голые и какие-то странно-беззащитные силуэты деревьев в коконах из голубоватого льда. Искал выход, какую-то дверь, любую, но всё вокруг состояло лишь из коридоров и лестниц. Стены выкрашены грязно-белой краской. И множество больших картин в рамках. Вернее не картин, а фотографий звёздных скоплений, туманностей, пульсаров, с бьющими из них лучами. И чем больше я ходил, тем больше попадалось картин. И я не выдержал, подошёл к одной, и дыхание перехватило — показалось, это не фотография, а иллюминатор и там, за стеной, бесконечный чёрный бархат с алмазными проколами немигающих ослепительно-ярких точек. Я вздрогнул, оттолкнулся рукой от фотографии в рамке, и меня с силой отбросило в противоположную сторону, словно я был в невесомости. Закружилась голова и окружающая обстановка вдруг посерела, стала таять, сквозь неё начала просачиваться реальность. Тряхнул головой и вдруг понял, что сижу в полутёмной комнате на стуле, руки заведены за спину и скованы наручниками.

— Пришёл в себя? — голос принадлежал тому самому главарю, который встретил меня в липовой клинике Св. Терезы.

Он сидел в кресле, держал в руках белую фарфоровую чашечку и медленно, очень медленно помешивал в ней маленькой ложечкой, которая нежно позвякивала о стенки.

Теперь я мог разглядеть этого ублюдка поближе. Не думал, что подобные типы могут служить говнюку Макбрайду. Красиво вылепленные скулы будто держали лицо в определённых рамках, черты крупные, но не грубые, аристократичный нос, высокий лоб в морщинах, благородная седина зачёсанных назад ещё густых волос. В светлых глазах ни ненависти, ни презрения, скорее любопытство.

Оглядевшись по сторонам, я увидел немного. Помещение смахивало на куб, без окон, без видимых светильников. Стены терялись в полутьме. Из мебели только небольшой стол и пара стульев. Ну и мой стул, к которому я был привязан. Но что удивило меня — едва

заметный гул и вибрация.

По левую руку от главаря стоял плечистый высокий бугай, голый по пояс. Впрочем, поначалу показалось, что одет он в тёмно-синие штаны и цветастую плотно облегающую фуфайку. На самом деле, весь торс парня украшали цветные татуировки. Лицо круглое, плоское, почти без бровей, глубоко утопленные круглые глазки, короткий нос с толстой спинкой и широкими ноздрями.

Если они не скрывают своих лиц, значит, точно меня убьют, — промелькнула мысль. Засосало под ложечкой, запыхали щеки и уши, словно от стыда. И это так разозлило меня, что страх совсем отступил, свернулся в клубочек где-то на самом дне души. Но главное, в голове билась лихорадочно мысль — тянуть время, надо тянуть время. А шанс сбежать всегда может появиться.

Главарь покачался на кресле, мрачно взглянув на меня, сообщил:

— Значит так, Андерсен. Слушай внимательно. Нам надо, чтобы ты связался с Нортонем и вызвал его в то место, которое мы тебе укажем.

— А не пойти ли вам всем на х... — сказал я просто и, скорее всего, ожидаемо для моего собеседника.

В лице его не дрогнул ни один мускул, глаза также смотрели куда-то вглубь себя. Ритмично закрипело кресло, когда он покачался на нем. И бросил быстрый взгляд на бугая.

Тот размял кулаки. Сделал шаг, мгновенно оказавшись рядом. Обдало едкой вонью немытого тела, пота, дешёвого курева и мочи. Резкий удар под дых. Прожгла острая боль, из глаз брызнули слезы. Я согнулся, но верёвки впились в тело, лишь добавив мучений. Я попытался изо всех сил напрячь пресс. Но против сокрушающего кулака это оказалось бесполезно. На мгновение я рухнул во тьму, а когда вынырнул из неё, обнаружил, что рядом стоит главарь с чашечкой в руках.

Наклонив голову набок, он внимательно изучал меня, спокойно, без ненависти или презрения, как это бывает на выставке знакомого художника, когда надо сделать вид, что ты реально пытаешься оценить картину, хотя на самом деле тебе плевать.

Протянул руку и вылил содержимое чашечки мне за шиворот. С шеи и спины будто содрали кожу, сделав меня ещё более беззащитным.

— Не сопротивляйся, Андерсен, — проронил главарь и даже с какой-то жалостью вздохнул. — Твои наноботы не действуют — мы отключили их. Боль ты будешь чувствовать адскую. И тебе здесь никто, поверь, никто не поможет. А приносить себя в жертву не стоит. Это глупо. Подумай и прими мои слова.

— Бараны, — я с силой вытолкнул изо рта слова вместе со сгустками крови. — Вы всё — стадо безмозглых баранов. Следуете за этим мудаком Макбрайдом, как за гребанным пастухом. А он ведёт вас на убой.

Татуированный амбал расплылся в гнусной ухмылке. А губы главаря едва заметно растянулись, глаза сузились в ироничной усмешке, что взбесило меня ещё сильнее.

— Ах, как же ты ошибаешься, Андерсен. Мы не служим этому ушлепку Макбрайду. Мы сами по себе.

— А на кой черт вам нужен Нортон тогда? — бросил я в сердцах. — Он спасти Землю хочет и вас, подонков. А вы чего? Б... уроды.

— Мы не желаем зла твоему другу Нортону, — вкрадливо, почти ласково проронил главарь. — Он талантливый учёный. Мы уважаем его. Нам лишь нужна его разработка. Вот и всё. Когда получим её, отпустим его. И тебя, конечно, на все четыре стороны. Живых и

невредимых.

Я на миг задумался, перекатывая желваки. Постарался унять бешено колотящееся сердце.

— Хорошо. Свяжусь с ним.

Главарь вернулся в кресло, вытащил из внутреннего кармана пиджака толстую сигару, и маленькие кусачки. Мягко и деликатно стащил прозрачную обёртку, помял в длинных, но крепких пальцах свёрнутые в трубочку табачные листья. Щёлкнув кусачками, отрезал кончик. И медленно начал раскуривать длинной спичкой. Подержав дым во рту, выпустил. И предупредил, растягивая слова:

— Не обманывай нас, это нехорошо. Наша система обнаружит, если ты будешь врать. Понял?

Он сделал жест своему холую. Тот подобострастно поклонился, как болванчик и вышел. Вернулся через пару минут с голокамерой. Замерцала рамка экрана, и я увидел свою собственную физиономию, сильно помятую. Синие губы, опухшие глаза и клочковатая рыжая щетина по краям щёк.

— Держись уверенно и спокойно, — добавил главарь. — И никаких кодов, шифров. Бесполезно. Тенинген, позови Мизэки.

Он откинулся на спинку кресла и вновь погрузился в нирвану, наслаждаясь своей гребанной сигарой, распространяя щекочущий ноздри ароматный вкусный дым. Ублюдок, он, словно находился не в камере пыток, а на курорте, сидел в шезлонге на берегу океана и ничего его не трогало.

Едва заметно скрипнула дверь и на пороге оказалась девушка, затянутая в серебристый комбинезон. Наши глаза на миг встретились. Ни раскаяния, ни жалости, ни торжества. Ничего.

Легко, словно пташка она вспорхнула, чтобы оказаться по правую руку от главаря. И вновь бросила на меня быстрый взгляд. В глубине её глаз мелькнуло что-то человеческое, какая-то эмоция. Но возможно мне лишь показалось.

— Давай говори, — в руках главаря вновь оказалась чашечка с кофе, заботливо наполненная его холуем.

— Привет, Арт, — сказал я, как можно жизнерадостней и сделал попытку улыбнуться. — Я тут недавно был на выставке собак. Присмотрел одного пса. Щенка алабая. Вот такая собаченция. Давай встретимся в кафе "Золотой фавн", там симпатичный скверик есть. Я покажу тебе щенка.

Зелёная лампочка на камере ни разу не мигнула. Всё в порядке. Но лицо Мизэки вдруг изменилось, словно она увидела что-то омерзительное, что возмутило её до глубины души. Изящно вырезанные ноздри тонкого носика начали раздуваться. Она сжала кулачки, потом резко выключила камеру.

— Он врёт, — бросила зло и решительно.

— Но Мизэки, милая, — медленно и также растягивая по слогам слова, возразил главарь. — Система показала, что нет.

Она зашла за кресло, грациозно положила гибкие тонкие руки на спинку и объяснила со снисходительной иронией:

— У Андерсена аллергия на шерсть. Ему даже форму шьют только из антиаллергенных тканей. И никаких натуральных материалов — шерсти, меха. А ещё это их личный код с Нортоном.

Вызвала мерцающую рамку экрана. Пару касаний и мой сказанный текст превратился в предостережение Артуру. Откуда эта стерва могла узнать о моей аллергии? А о нашем личном коде. Вот б... Как я мог быть так глуп!

— Ах ты, сука, б... — заорал раскрашенный бугай. — Водить за нос нас решил!

Кинулся ко мне. Одним тычком сбросил вместе со стулом на пол. Бах! Из глаз посыпались звёзды. Стал наносить короткие, но дьявольски мощные удары в грудь, живот. Удар и треск рёбер, удар — во рту железный привкус крови и осколки зубов. Казалось, все тело превратилось в единый комок жуткой все поглощаемой боли, от которой не скрыться, не уйти. А бугай молотил и молотил по мне, как по боксёрской груше.

— Прекратить! Немедленно прекратить.

В глазах поплыли цветные круги, я обвис на верёвках без сил, ощущая лишь чудовищную боль во всем теле. Прикрыл глаза и будто сквозь толщу воды ко мне пробились слова:

— Ты спятил?! Как он теперь встретится с Нортонем? Ублюдок, тварь! Придётся ждать неделю! А то и...

И тут боль начала таять, расходиться жаркими, но мягкими волнами. Я лежал словно в гамаке на берегу моря. Снизу раскалённый песок, сверху палящее солнце. А по жилам струилась адски горячая лава, но приятная, расслабляющая, как в сауне. И боль исчезла, оставив лишь едва заметное покалывание в кончиках пальцев. Рядом стояла Мизэки, деловито вглядывалась в экран, повисший перед ней.

Главарь и его татуированный холуй замолкли, глаза обоих синхронно расширились. Замерли, как манекены в тех же позах, что ругались.

— Мизэки, ты что сделала? — ещё более медленно, чем обычно, протянул главарь.

Она закрыла экран и спокойно ответила:

— Я разогнала его наноботов.

— Куда разогнала? — пробормотал Тенинген, растерянно хлопая глазами.

— В наноботах разогнала процессор. Теперь они стали работать в десять раз быстрее.

Они восстановили его здоровье.

— Ёшкин кот, вот ни х... не понял, но ты крута, Мизэки, — на лице парня появилась широкая глупая улыбка. — Ты что же можешь и с нашими наноботам так сделать?

— Нет, — Мизэки покачала головой. — У Андерсена класса экстра, он же на Моргана работает. Там стоит компьютер самого последнего поколения, но процессор легко разогнать.

— Ах, вон оно что, — щёлкнул пальцами главарь, и на лице возникла едва заметная загадочная улыбка. — Значит, мы можем его немного, как бы это сказать, поучить уму-разуму. А перед тем, как он будет готов отойти в мир иной, вновь вернём к жизни? Ты понял, Тенинген?

Бугай расплылся в плотоядной ухмылке, обнажив жёлтые крепкие зубы с выступающими клыками, так что меня затошнило.

— Нет, нельзя постоянно разгонять его наноботы, — запротестовала Мизэки. — Процессор в компьютерах наноботов перегреется. Андерсен просто умрёт.

— Ну и х... с ним, — без тени сожаления бросил холуй, сцепив пальцы, начал их с хрустом разминать, будто готовился к бою на ринге.

Я уже готов был сдаться, запросить пощады, выполнить все требования этих ублюдков. Но унижительное ощущение превосходства надо мной, написанное явно на толстой морде этого вырожденца, взбесило меня. Пусть на куски разрежут, но я ни х... не буду делать. А

выдержу, то смогу сбежать. Разнесу к чёртовой матери всю богадельню.

— Пошли, — бугай одним махом стянул с меня верёвки, несмотря на мой немалый рост, схватил за шиворот, встряхнул, как тряпичную куклу и поставил на пол.

С его лица уже не слезала злорадная ухмылка, предвкушал развлечение, мерзкая тварь.

— Мизэки, пойдёшь с ними, — сказал главарь.

В глазах девушки мелькнула досада, она сморщила лобик:

— Зачем?

— Как зачем? — грубо хохотнул амбал. — Будешь, это самое. Разгонять этих ботов, когда этот ублюдок, — он фамильярно, будто по-дружески, схватил меня за шею и сжал на миг так, что я зашёлся в диком приступе кашля. — Когда он сдыхать будет.

— Адам, я же объяснила, — сердито и резко сказала девушка, бросив недовольный взгляд на главаря. — Нельзя постоянно держать наноботов на максимальном режиме. Они выйдут из строя.

— Хорошо-хорошо, — тот поднял обе руки ладонями перед собой, словно сдавался. — Пусть Андерсен сам решит, что ему делать. Умирать за дело своего друга или помочь нам. Это его выбор. Понимаешь, милая?

Он приобнял её за талию, чуть прижал, но она высвободилась с какой-то, как показалось, брезгливостью.

Перед нами с тихим шелестом приподнялась толстая металлическая дверь, и мы вышли всё вчетвером. Но главарь развернулся и быстрым шагом направился в другую сторону, а амбал подтолкнул меня в другую грубым тычком в спину.

Узкий коридор. Стены из прозрачного стекловолокна. За ними толстыми змеями извивались трубы из серо-синего сплава. Теперь гул и вибрация усилились, и ощущались более явственно. Словно ритмично и тяжело дышало большое животное. Поднял глаза, и голова закружилась, так, что я чуть не впечатался носом в стену. Преломляясь сквозь стекловолокно, раскинулась бездонная тьма небесного купола. В вечном хороводе кружились звёздные скопления. А слева плыл огромный бело-голубой шар, вернее только её часть, закрытая густой шапкой облаков, сквозь которую просвечивали горы, реки. Такой я видел нашу планету из доков, где собирался звездолёт и спейсфайтеры. Но находились мы явно где-то в ином месте. Эти ублюдки притащили меня на свой космический корабль?! Но как они смогли спрятать такую махину от наших спутников? Как?

— Ну чего, напугался? — услышал я торжествующий голос Тенингена. — Да, мы не на гребанной Земле, а в космосе. Так что кричи — не кричи, не поможет тебе никто. Давай иди, не спотыкайся, — мрачнее добавил он.

Гулкий топот привлёк внимание. Я на миг задержался, повернул голову и замер, ошеломлённый. За прозрачной стеной прыгало странное существо, смахивающее на огромного варана, но с шестью лапами и двумя хвостами разной длины, бугристая тёмно-красная кожа, будто его только что освежевали. И тут я просто офигел — мерзкую тварь на длинном поводке, вёл другой зверь. На двух лапах, с квадратной мордой кирпичом, ростом с человека. И в лёгком блестящем скафандре.

— Вон, будешь сильно сопротивляться, — с гнусным смешком сказал Тенинген. — Скормим тебя этелофактусу.

Узнавать, кто конкретно из этих уродов — этелофактус, было в лом. Я быстро сообразил, что пофиг, кому я достанусь на обед. И та и другая тварь, несмотря на медлительность, разделалась бы со мной мгновенно.

Коридор быстро закончился, за ним в проёме зияла глубокая ниша, на самом дне едва просвечивались, отливая золотом, клубки труб. И никакого мосточка, перехода к двери напротив, в паре сотен футов. Тенинген, шумно обдав меня кислым дыханием, бесцеремонно толкнул в спину, я не удержался, вскрикнул и шагнул в пустоту. Но тут же ощутил под ногами твердь, и ухнувшее было вниз сердце, вернулось на место.

Передо мной симметричными геометрическими узорами засветилась лента, которая шла прямо, а потом резко вздымалась вверх. Я машинально сделал пару шагов, поверхность мягко спружинила под ногами и подошва ботинок словно прилипла к ней. По инерции я сделал шаг к вертикальной ушедшей вверх стене, но лента словно прогнулась подо мной и я легко начал взбираться вверх.

— Ух, и ни х... себе! — вырвалось у меня.

— Не ори, — услышал я голос Тенингена. — Тупой что ли? Никогда не видел магнитного трапа? Бестолочь.

Так хотелось развернуться всем корпусом и врезать этому бугаю от души. Теперь мы могли быть на равных. Сил у меня прибавилось. Но я все равно боялся сорваться с этой ленты. И так мы дошагали до другой двери. Перед ней, как гриб на длинной ножке, "рос" столб с информационной панелью. Девушка поколдовала над ней, дверь гостеприимно распахнулась, пропустив внутрь.

Это помещение понравилось мне ещё меньше, чем то, в котором я очнулся. Напоминало оно заброшенный технический центр. По стенам, выложенных обвалившейся грязно-бежевой плиткой, на переносных столиках стояли какие-то агрегаты, мониторы, валялись кучи приборов. У одной из стен выделялась станина массивного электрогенератора, выкрашенного краской болотного цвета. Посредине зала — бассейн, наполненный жидкостью бурого цвета. Я передёрнулся, уж больно это напоминало свернувшуюся кровь.

Хорошенькая камера для пыток. Интересно, сколько людей закончили здесь свою никчёмную жизнь? Впрочем, может быть, бандиты решили меня лишь попугать? Думали, увижу бассейн с кровью, наложу в штаны, упаду на колени и буду просить пощады. Может быть, я так и сделал бы, если бы не торжествующая ухмылка этого холуя. И Мизэки. Сжимая челюсти до хруста, я пытался найти последние силы, чтобы всё выдержать. Сдохнуть, но выдержать. Я храбрился, пытался мысленно заболтать свой страх, но ноги предательски подгибались, а ладони мерзко повлажнели.

Со стены свешивались цепи, длинные, рыжие от ржавчины или засохшей крови, я не мог разобрать. И я решил, что холуй главаря прикуёт меня к ним, станет бить кнутом. Но Тенинген оставил меня стоять у стены, а сам куда-то вразвалочку ушёл, а через минуту вынес нечто похожее на электрический стул. Видел такой в древнем голливудском фильме. Вернее, это штука смахивала на кресло, но не деревянное, а металлическое, довольно хрупкое и в лапищах бугая оно казалось детским. Со спинки свешивался "шлем" из тонких полос металла, скреплённых между собой крест-накрест. Когда Тенинген усадил меня в кресло, привязал руки и ноги кожаными ремешками и нахлобучил эту "корону", металл неприятно обдал холодом кожу, а по телу расползся пульсирующий страх, перехватило горло, его словно кто-то сжал, а руки и ноги одеревенели.

Разряд чудовищной непостижимой силы прожёт насквозь. Словно воткнули раскалённый кол в голову, а мозги поджарились. Между ног промокло сразу. Сдержатъ позыв я был не в состоянии. Горячие струйки потекли из глаз, по щекам, по лицу. И я провалился во тьму.

И вновь попал в то самое странное здание, состоящее лишь из лабиринта коридоров и лестниц, широких и узких. И фотографий звёздных скоплений на стенах. Но теперь у меня страшно болела голова, просто раскалывалась. Но не так, когда я мучился с похмелья, а так, что вместо серого вещества мне залили раскалённую лаву. И каждое движение выбивало слезы из глаз, так что всё начало расплываться, как в телескопе, когда сбился фокус. А в иллюминаторах вспыхивали все новые и новые звезды. Взрывались, оставляя после себя разноцветные туманности. Переливались всеми цветами спектра, но так ярко, что глаза будто разрывались изнутри этим светом.

Стиснув зубы от боли, я вновь начал свой путь. Дверь. Наконец-то, дверь. Массивная, из двух створок, резное светлое дерево, латунная изящная ручка, отполированная ладонями тысяч студентов. Толкнул. Ворвался шум аудитории. Много-много рядов кресел, спускающихся амфитеатром к сцене. Там, внизу, у доски, заметил Артура. Он выглядел моложе, но я узнал его и меня это совсем не удивило.

— Шон! Шон! — услышал я шёпот, от которого вскипела кровь и обдало жаром. — Ты опять опоздал!

Знакомый голос. Я обвёл глазами ряды и вдруг обнаружил свою старую подружку Ханну.

— Иди ко мне, милый, — голос Ханны прозвучал рыком ласковой львицы.

Я протиснулся через ряды кресел, уселся рядом с ней. Обволокло её очарованием и ароматом парфюма, дьявольски прекрасным, туманящих мозги и это ослабило боль. Она наклонилась ко мне, прижалась, её груди заполнили блузку приятной тяжестью, а крупные розовые соски проступили сквозь тонкую ткань. Она никогда не носила белья. И трусиков на ней наверняка тоже не было.

- Одной из главных задач астрофизики является изучение сверхновых, — оттуда, со сцены доносился голос Нортон. — Но важно не просто собирать данные обо всех вспышках этих интересных звёзд, но и приводить их в единую систему. Когда я только начал свою работу в версии Каталога сверхновых были данные о почти десяти тысячах внегалактических сверхновых. Эти данные собирались с конца девятнадцатого века. Вы можете посмотреть на схеме, что каталог был составлен в порядке возрастания порядковых номеров, которые присваивались Центральным Бюро Астрономических телеграмм Международного Астрономического Союза. Но мои исследования сумели увеличить количество сверхновых на порядок и теперь...

— Фу, от тебя пахнет, Шон, — Ханна вдруг оттолкнула меня. — Неужели нельзя было вымыться. Ты прямо как дикарь.

Нахлынула обида. Я же не виноват, что мерзавцы пытаются меня, а я не могу сдержать рефлекс. Не помня себя от гнева и злости на капризную куклу, я вскочил и стал пробираться назад к двери. Голос Артура начал удаляться, стихать, а в голове забила мысль: "Надо сказать ему. Предупредить, чтобы он не поддавался на провокации этих мерзавцев". Нет, не сейчас. Он занят.

Распахнул дверь, сделал шаг, думая, что попаду в коридор, но он вдруг стал расплываться, расплываться клочьями и я не мог разобрать, где реальность, а где мой странный сон. И вновь обнаружил, что сижу на "троне смерти". Рубашка, брюки залиты кровью. Лицо горит, а волосы впились в кожу.

— Ну что, обделался? — ядовито хмыкнул Тенинген. — Страааашно, очень страшно.

— Нет, не страшно, — как можно спокойней проронил я. — Это ты жутко боишься

своего босса. Шестёрка ты. Подай-принеси. Холуй!

Морда и шея моего палача побагровела, глаза едва не вылезли из орбит. А наколки будто набухли и все его драконы, змеи, грифоны и шакалы готовы были сорваться с плеч и боков, чтобы наброситься на меня. Он ринулся к стене и схватил рычаг.

— Не смей, Тен! — услышал я отчаянный крик Мизэки. — Я ещё не перегрузила наноботы. Не смей!

Но цунами жуткой адской боли жадно схватило в смертельные объятия и швырнуло во тьму вновь.

На этот раз коридор оказался прозрачным, надо мной танцевали звёзды, а в бездне величественно проплывал бело-голубой шар. Когда дошёл до конца коридора, с мягким шелестом приподнялась толстая металлическая плита. И открылся вид на просторное помещение, большую часть прозрачной стены заполняли звёзды. Из мебели лишь диван, обтянутый мягкой кожей цвета топлёного молока.

— Садись ко мне, Шон, — на диване, поджав одну ногу под себя, изящно положив тонкую гибкую руку на спинку, сидела Мизэки. — Прости, что мы так мучаем тебя. Но это очень важно. Очень важно для нас.

— Зачем вам это всё? — я присел рядом, разглядывая роскошную панораму танцующих созвездий, словно художник в приступе безумия смешал краски и выплеснул на чёрный холст.

— Ты не поверишь, дорогой, — она покачала головой с такой безнадёжностью на лице, что мне вдруг стало жаль её.

— Расскажи, — я сжал её руку.

— Хорошо, — она мягко улыбнулась. — У нас уже была такая установка, которую изобрёл Нортон. Не удивляйся, Шон. Мы перемещались с нею по всей Галактике. По всей Вселенной. И мы могли заглянуть в каждый уголок космоса. И даже проникнуть в иные Вселенные. Не веришь?

— Верю, — её слова убаюкивали, погружали в нирвану.

— Но потом астероид разнёс на клочки эту установку. И в последний момент, когда мы готовы были столкнуться с ним, наш суперкомпьютер сумел рассчитать то место, куда нам надо было перескочить. В последний раз. Где уже была подобная разработка. Нам нужны её чертежи, технические характеристики, чтобы восстановить. Понимаешь?

— Вернулись? В прошлое? Ты это хочешь сказать?

— Нет. В прошлое нельзя вернуться. Можно лишь найти альтернативную Вселенную, где все события отстоят от нашего времени на определённое количество фаз. И мы "прыгнули" сюда. Звучит как фантастика? — она вгляделась в моё лицо так пристально, что я нырнул в глубокий колодец её подсознания и понял, что она говорит правду.

— Огорчу тебя, Мизэки. Нортон не сделал ещё свою "ловушку" до конца. Он не отдаёт её не потому, что жадный. Нет. Он щедрый, добрый, даже чересчур. Но у него что-то не получается. Не знаю, в чём дело.

Лицо девушки побелело, так что выделились чёрные изгибы бровей и глаза вспыхнули.

— Не сделал? Но он должен был сделать?! Почему же ты не захотел, чтобы мы встретились с ним. Почему, Шон?

— Потому что вы убили бы его, также, как меня. А я не хочу этого. Я не предаю друзей. Никогда. Если бы вы дали мне встретиться с Нортоном я бы сказал ему: "Артур! Не отдавай им свою разработку! Не отдавай! Они все равно меня убьют!"

— Но мы не хотим тебя убивать, Шон!

— Но я видел ваши лица. Вы с самого начала хотели от меня избавиться, после того, как я привёл бы вас к Нортону. А я этого не сделаю. Никогда. Прости. Мне надо идти.

Я встал с дивана и направился к двери.

— Шон, не уходи! Прошу тебя! Шон! Останься, Шон! Вернись!

Дверь распахнулась, но я ничего не увидел. Лишь бездну, которую заполняла чернота. Абсолютная пустота. Начало начал. Она манила, притягивала, обещала избавление от боли. И я решительно шагнул туда, в тьму безмолвия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net